Задонский паломник

ПРАВОСЛАВНЫЙ АЛЬМАНАХ ЗАДОНСКОГО РОЖДЕСТВО-БОГОРОДИЦКОГО МУЖСКОГО МОНАСТЫРЯ

№ 74 2010 год

Альманах издается по благословению Его Преосвященства Преосвященнейшего Никона, епископа Липецкого и Елецкого

Выходит с декабря 2000 г.

Учредитель:
Задонский Рождество-Богородицкий мужской монастырь Липецко-Елецкой епархии Русской Православной Церкви

Адрес редакции:
399200, Липецкая обл., г. Задонск, ул. Коммуны, 14.
Телефон: (47471) 2-49-55

При перепечатке ссылка на «Задонский паломник» обязательна

Тираж: 5 000 экз.
Цена свободная.

Просьба не использовать издание в хозяйственных целях

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия.
Свидетельство: ПИ №ФС77-21446 от 01 июля 2005 г.

Оставь любопытствовать, что делается в том или другом месте; озаботься узнать, при помощи слова Божия, что делается в душе твоей, к какой ты идешь окончательной цели, к погибели или ко спасению, на каком пути ты находишься, на пути ли праведных или на пути нечестивых?

Святитель Тихон Задонский

СОДЕРЖАНИЕ:

2 **ОТКРОЕМ ДВЕРИ СЕРДЦА ДЛЯ ГОСПОДА**
Проповедь епископа Липецкого и Елецкого Никона

4 **НАСЛЕДИЕ СВЯТИТЕЛЯ ТИХОНА ЗАДОНСКОГО**
Келейные письма. Письмо четырнадцатое

5 **ТОЛКОВАНИЕ НА ЕВАНГЕЛИЕ ОТ МАТФЕЯ**
Избранные главы

7 **ЧЕЛОВЕК БОЖИЙ**
Из воспоминаний о схиархимандрите Виталии

10 **ПРОСЛАВЛЕНИЕ ГЛИНСКИХ СТАРЦЕВ**

12 **«ЗА ВАС ГОРИТ СВЕЧА...»**
Слово на панихиде

14 **ХРИСТИАНАМ О ХРИСТИАНСТВЕ**
Из бесед с кавказским пустынником
«Об избавлении от злопамятности», ч. 2

17 **ИСТОРИЯ УСМАНСКОГО ЖЕНСКОГО МОНАСТЫРЯ**, ч. 4

19 **ХРИСТИАНСКАЯ НРАВСТВЕННОСТЬ В РАСКРЫТИИ СВТ. ТИХОНА ЗАДОНСКОГО**
Иеромонах Николай (Павлык), ч. 4

21 **ИНОЧЕСКИЕ БЕСЕДЫ**, ч. 1

24 **ГЛИНСКАЯ ПУСТЫНЬ В ТБИЛИСИ**
Рассказ. В. Лилин

28 **ОТКРЫТАЯ ИСПОВЕДЬ**
Детская страничка

Откроем двери сердца для Господа

Проповедь епископа Липецкого и Елецкого Никона.

Христо-Рождественский собор, г. Липецк. 25 марта 2009 г.

Поздравляю всех вас, дорогие отцы, братья и сестры, с Великим постом!

«Се, стою и стучу» (см. Откр. 3, 20), — говорит Господь. Стоит Он у двери каждого сердца, стоит и стучит, будит нас, а мы спим. И не только спим — мы еще и раздражаемся: «Опять кто-то стучит!» Мы поворачиваемся на другую сторону, закрываем уши одеялом: «Ну, кто там привязался, не дает спать?» Мы все спим: и днем, и ночью, духовно спим, не телесно. И столько Господь прилагает усилий, чтобы разбудить нас. Но тщетно! И только если придет какая-то болезнь или несчастье, которое отнимет наш духовный сон, тогда мы идем в храм, идем к Богу. В скорбях мы плачем и молимся, скорби помогают нам вопиять ко Господу всем сердцем... и Господь посылает утешение и помощь. И только тогда мы начинаем понимать, что до сего времени не знали Бога. По-настоящему, с верою и надеждою не обращались к Нему. Да Он, может быть, и не нужен был нам.

А Господь хочет каждого человека спасти. Он не хочет, чтобы наша бессмертная душа мучилась в муках ада без конца. Там нет времени. Если муки, то они безконечные, если радость — то безконечная. Если с Богом, то постоянно с Богом будем. Если без Бога, с демоном, то постоянно с демоном будем. Они не могут покаяться, и поэтому они вечно будут мучиться, и душа наша, во грехах погрязшая, вечно будет с ними. А там плач и скрежет зубов.

И вот Господь хочет нас разбудить, чтобы мы стали бы на молитовку перед лампадкой у

иконы, стали бы просить не только за себя, но и за своих детей и внуков. Просить: «Господи, стучи сильней! Господи, сильнее к нам нужно стучать, чтоб нас разбудить! Твой стук — он слишком слабый для того, чтобы мы очнулись от сна, чтобы мы пришли к Тебе».

Когда человек постится, тело утончается, душа облагораживается, и тогда малейший стук, малейший зов Господень мы слышим: *«Приидите ко Мне...»* Мы приходим. Но когда мы утучнели плотью, наслаждаемся этой жизнью, когда считаем, что Бог и Церковь нам не нужны, разбудить нас практически невозможно. И многие вот так в духовном сне уходят из этой жизни. И мы стоим перед гробом своего близкого, родного, плачем, сокрушаемся. О чем мы плачем? Мы плачем, что безвременно ушел человек, нужно было бы пожить. А если его невозможно разбудить? Зачем ему спать здесь?

Господь приводит пример в Евангелии. *«Се, глаголю вам: возведите очи ваши и видите нивы, яко белы суть к жатве уже...»* (Ин. 4, 35), — нивы созрели, пожелтели; зерно готово к сбору. И вот идет жатва. А если еще не готово, остается, для того чтобы созрел этот урожай. И мы должны помнить о том, что мы должны в своей жизни своими поступками созревать духовной жизнью. Чтобы, когда Господь придет к каждому из нас в свое время, мы были бы готовы к жатве. Чтобы мы были чистой пшеницею. Чтобы у нас не было никаких плевел и сорняка.

Сейчас идет Великий пост. Кому-то трудно его держать, кому-то легче. Но ведь мы знаем прекрасно, Небо трудом достигается, а мы же — жители Неба. Мы рождаемся не для того, чтобы здесь в землекопаться или другими занятиями мирскими заниматься. Мы рождаемся для Неба, мы — небожители! Всегда нужно об этом помнить!

И отсюда мы всегда должны знать, что в первую очередь нужно заботиться о душе. Душу нужно очистить, приготовить к встрече с Богом душу, а не тело. Тело — земля и в землю отыдет.

А душу приготовить намного труднее, потому что и тело наше

«Се, стою при дверех и толку...» (Откр. 3, 20)

идет против души, и мир со всеми своими соблазнами, и демоны, всегдашние противники Бога, постоянно ополчаются против нас. И всё принуждает нас, чтобы мы жили земной, плотской жизнью, мирскими утехами и радостями, чтобы в земных попечениях и наслаждениях забывали Бога, умерщвляли свой дух...

Но Церковь, заботясь о спасении наших душ, предлагает нам Великий пост: это и воздержание, и молитвы, поклоны, длинные покаянные службы... Однако тело наше противится, идет в ожесточении против души. И у нас — внутренняя борьба: кто пересилит — тело или душа? Душа плачет, скорбит, душа тянется к Богу, в храм Божий. Тело же, наоборот, давит душу, требуя покоя и наслаждений...

А Господь всё стучит и стучит, напоминает о другом покое, о другой радости, о других наслаждениях — истинных и вечных... Были такие случаи, что солдат пришел с войны, пришел домой, на улице пурга, сильный ветер. Он стучался в дверь, стучался, но никто не открыл... А утром нашли его замерзшим у порога своего дома...

В каждое сердце стучится Господь через слово Божие, через священнослужителей, старцев или простых верующих, через скорби и болезни. Церковная служба Великим постом напоминает нам: *«Душе моя, душе моя, что спиши? Конец приближается...»* Великий канон, читаемый в первую седмицу поста, сколько нам дает образов покаяния грешников и прощения их Богом, умилительные слова врезаются в самое сердце, помогая ему встрепенуться ото сна, опомниться. Не теряйте это драгоценное время, находите возможность посещать великопостные службы...

Пост установлен Церковью для того, чтобы мы очищались. Телесный пост вместе с духовным — это гармония. Телесный пост дает возможность нашей душе проснуться. Утончается наша плоть. У нас появляется желание беседовать с Богом, хоть иногда это и трудно бывает.

Часто приходят многие искушения: и телесные в виде болезней, и немощи, и духовные от демонов зла. Но не обращайте внимание! Когда мы, испугавшись, бросаем поститься, так смотри, сколько радости в стане демонов. Сколько радости там бывает! «Мы победили, — говорят, — мы все же из поста вывели этого человека, или другого, или третьего, или сонм людей. Мы увлекли людей нашими сказками, баснями, занятиями, разными утехами и забавами». А сейчас тем более их очень много.

Будем поститься, мои дорогие, будем молиться, будем стремиться исполнить все те уставы Церкви, которые дал нам Господь. У нас есть возможность сейчас и поститься, и молиться, и в храм ходить, и исповедовать Бога на всяком месте.

Эти времена самые счастливые, самые нужные для нас, самые благодатные. Этим временем нужно воспользоваться, чтобы хоть чуть-чуть открыть дверь своего сердца и впустить Господа. *«Се, стою при дверех и толку: аще кто услышит глас Мой и отверзет двери, вниду к нему и вечеряю с ним, и той со Мною»* (Откр. 3, 20). — Устроит Вечерю любви. Значит, придет и принесет нам Любовь, и этой Любовью мы будем жить и радоваться, и всех любить. Богу нашему слава во веки веков! Аминь.

Святитель Тихон Задонский

Келейные письма

Письмо четырнадцатое

Видно, что ты не понял вполне, что грешник недостоин жить на земле. Я для тебя еще следующее изъяснение прилагаю об этом.

Знаешь ты, что безчестие земного царя смертной казнью наказывается, и обезчестивший по законам предается смерти, если царь по единой своей милости его не простит. Рассуди же, что царь земной пред Божиим величеством? — Как ничто, поскольку человек смертный, как и прочие люди. Теперь возьми в рассуждение грех, которым грешник Бога оскорбляет и безчестит. Если царю земному досадивший человек повинен смерти, насколько более достоин смерти, не только временной, но и вечной, грешник, который Богу безконечному досаждает и, что горше того, не перестает досаждать нераскаянной жизнью. В тот самый час достоин умереть и погибнуть грешник, в который согрешит против совести, а особенно, когда грехи ко грехам прилагает, но благость Божия еще милует его, еще не казнит его Бог человеколюбивый, не казнит достойного казни. Такая благость на покаяние грешника ведет (Рим. 2, 4).

Видишь, что грешник недостоин жить, и благость Божия есть, что всякий грешник еще не погиб. Если же жизни недостоин, но смерти повинен всякий грешник, то достоин ли, чтобы на него сияло солнце, луна и звезды? Достоин ли, чтобы питался и прочими благами Божиими утешался? Воистину недостоин. Но благость Божия и недостойного удостаивает, ибо Он повелевает солнцу Своему *восходить над злыми и добрыми и посылает дождь на праведных и неправедных*. (Мф. 5, 45). Из этого учись познавать, что *никто не благ, как только один Бог* (Мф. 19, 17). Ибо кто из людей так добр, кроток и долготерпелив, чтобы так врагам своим благодетельствовать? Скоро человеческая кротость изменяется. Такого благого, кроткого, долготерпеливого и человеколюбивого Бога оскорбляет человек, когда согрешает и нарушает Его святой закон.

Видишь, что если бы даже муки вечной и вечной жизни небыло, нам все равно должно было бы скорбеть, тосковать, негодовать, гневаться на себя, плакать и рыдать, что Бога нашего, столь благого и человеколюбивого нашего Отца, грехами нашими прогневляем. Ибо Бог Сам по Себе любви и высочайшего почитания достоин. Если доброго человека, от которого и благодеяния не видим, любим и почитаем только за то, что добр, и крайне бережемся, чтобы не оскорбить его, то насколько более Бога, нашего Создателя, Промыслителя, Хранителя, Питателя, Защитника, Помощника и, да вкратце скажу, высочайшего Благодетеля и человеколюбивого Отца, любить и почитать должны, — насколько можем в немощной плоти, — и крайне беречься Его оскорбить, как единственно благого.

Поверь, возлюбленный, что лучше человек изберет умереть, нежели Бога грехом оскорбить, когда войдет в правильное о Боге рассуждение, ибо благость Его столь велика, сколь велик Он Сам, и столько Его благодеяний нам оказано, сколько тварей созданных и сколько дел Его преславных, нас ради Им сотворенных, и сколько дней, часов и минут от рождения нашего прошло. Ибо без Него и благ Его и минуты жить не можем. *Ибо мы Им живем и движемся и существуем* (Деян. 17, 28).

Видишь, что грешник недостоин жить, а то, что живет, — благости Божией приписать должно, которая его на покаяние ведет (Рим. 2, 4). Если жить недостоин, то тем более благодеяний Божиих недостоин. Ибо большая благость Божия — не только жить грешнику дать, но и благами его, недостойного жизни, снабжать. Как? — Рассмотри из следующего примера. Если бы царь врагу своему не только жизнь даровал, но и благодеяниями своими его награждал, не всякий ли удивился бы такому делу? Воистину все бы тому удивлялись. Так Бог творит, Который не только не казнит смертью беззаконников, достойных смерти, но и блага Свои им подает, ожидая их обращения и покаяния, как выше сказано. Отсюда познаем, сколь благ Бог наш, благости и человеколюбию Которого себя и тебя поручаю. Спасайся.

Толкование на Евангелие от Матфея

Избранные главы

Да не увесть шуйца твоя, что творит десница твоя.

(глава 6, зачало 16)

Великие дела творит любовь, великие дела творит и гордость», — говорит блаженный Августин. Насыщает алчущего любовь, насыщает и гордость. Одевает нагого любовь, одевает и гордость. Постится любовь, постится и гордость. Любовь все это делает для прославления Бога, а гордость все — для самовосхваления. Вот почему ни одно доброе дело не может быть угодно Богу, если оно не совершается в духе христоподражательного смирения. Вот почему Господь, после того как научил: что нужно для угождения Богу, далее поучает: *как* должно делать добро. И прежде всего Он в корне истребляет ту язву, которая неприметным образом заражает самое благочестие. Эта язва есть дух тщеславия, который незаметно похищает у добродетельного его душевное сокровище — самую цену всякой добродетели. Преподобный Иоанн Лествичник так изображает сего вора душевного: «Тщеславлюсь, когда пощусь, но когда разрешаю пост, чтобы скрыть от людей свое воздержание, опять тщеславлюсь, считая себя мудрым. Побеждаюсь тщеславием, когда одеваюсь в хорошие одежды; но и в худые одевшись, также тщеславлюсь. Стану говорить — побеждаюсь тщеславием; замолчу — и опять им же победился. Как ни брось сей троерожник — все один рог станет вверх. Тщеславный человек есть идолопоклонник: он думает, что почитает Бога, но в самом деле угождает не Богу, а людям».

Из всех добродетелей тщеславие особенно обкрадывает пост, молитву и милостыню. «Постом, — говорит святитель Златоуст, — возгордился фарисей, когда говорил: "пощусь два раза в неделю, даю десятую часть из всего, что приобретаю". И в самой молитве искал он суетной славы, когда молился, чтобы только показать себя. Когда уже не было никого другого, то старался выказать себя перед мытарем». Так пагубно тщеславие для самой добродетели. Вот почему Спаситель, когда начинает речь о нем, то как будто «хочет говорить о каком-нибудь звере, весьма хитром и страшном, который может внезапно схватить не совсем осторожного». ***Внемлите***, — говорит Он, — берегитесь, будьте внимательны и осторожны, чтобы ***милостыни вашея не творити*** — не подавать ***пред человеки***. «Зверь оный, тщеславие, подходит тайно, и все доброе, что есть в нас, тихо развеивает и нечувствительно уносит». Сказав: *«не творити пред человеки»*, — Господь присовокупил: ***да видими будете ими,*** не делайте добра напоказ людям. И перед людьми можно делать добро, но не для того, чтобы люди смотрели на твое добро; если же делаешь добро из-за людской похвалы, то хотя бы ты делал его и в клети своей — все равно: ты делаешь его не для Бога, а для своего тщеславия, а Бог смотрит на сердце твое и карает или награждает — не самое дело, а твое намерение. Не всегда, не везде и не всем можно тайно творить милостыню. И вот, чтобы ты не сказал: «что пользы мне, если увидит другой», то Христос Сам как бы говорит тебе: Я не сего требую, но мысли твоей, твоего намерения, с которым ты делаешь свое добро. Делай его пред Богом для Бога; забудь о том — видят тебя люди или не видят: ***аще ли же ни***, если не будет у вас в душе такого расположения, ***мзды не имате***, не будет вам награды ***от Отца вашего, Иже есть на Небесех***.

Вы ищете людской похвалы: люди и платят вам этой суетной похвалой — и довольно с вас: не ждите себе больше награды от Бога. А чтобы еще сильнее внушить отвращение к суетной славе человеческой, Спаситель указывает на лицемеров, как раньше, когда Он говорил о любви к врагам, Он указывал на мытарей и язычников: ***егда убо***, итак, когда ***твориши милостыню, не вострубы пред собою***, не разглашай, не заботься о том, чтобы на тебя все смотрели, чтобы все говорили — трубили о твоем милосердии; не выбирай для раздачи милостыни таких мест, где видна была бы твоя милостыня; не употребляй таких средств, чтобы у всех на виду было твое благодеяние, не поступай так, ***якоже лицемери***, особенно фарисеи ***творят в сонмищах*** — в молитвенных домах или синагогах ***и в стогнах*** — на улицах, на виду у всех; везде можешь подать милостыню, даже и на людной улице, но не с той целью, с какой поступают так лицемеры — ***яко да прославятся от человек***.

Незавидна доля таких лицемеров — милостивцев: ***аминь***, истинно ***глаголю вам***: они уже ***восприемлют мзду свою***, получают здесь же, теперь же награду, какую ищут: их хвалят и прославляют люди; другой награды, которая от Бога, им не будет: они ее не заслуживают. Бог награждает только чистое, истинное добро, а у них его нет. Ты сделал добро — хорошо: оно есть. Но если ты похвалился этим добром, то оно уже исчезает; оказалось, что его не было у тебя и в сердце: там тщеславие, а все, что от тщеславия, уже не есть чистое добро; его даже и люди не ставят в добро, потому что, похвалив тебя в глаза, за глаза они же осуждают твое тщеславие и лицемерие. «Хорошо Господь назвал таких лицемерами, — замечает святитель Иоанн Златоуст,

— их милостыня имела только личину милостыни, а сердце их было полно жестокости и безчеловечия. Крайняя жестокость — искать для себя чести и похвал и не избавлять от несчастья другого, когда он погибает с голоду».

Как же должно подавать милостыню? *Тебе же*, учит Христос, ***творящу милостыню*** — когда ты подаешь милостыню, ***да не увесть шуйца твоя*** — пусть не знает левая рука твоя, ***что творит десница*** — правая рука ***твоя***. Не только укройся от людей, даже и ближих тебе, как правая или левая рука твоя, но, если возможно, скрой свое доброе дело и от себя самого. Знай, что в тебе живет ветхий, греховный человек, который действует в твоих греховных помыслах и пожеланиях; укрой же от ветхого человека то, что творит в тебе твой новый человек — твоя совесть, просвещенная светом Евангелия и подкрепляемая Духом Божиим. А потому, сделай доброе дело, и тотчас же постарайся, если можно, забыть об этом добром деле, ***яко будет милостыня твоя в тайне*** от всех. Помышляй, что ты исполнил только повеленное тебе Богом, как раб непотребный: чем же можно тебе тщеславиться? Да еще все ли так исполнил ты, как Бог велел? Милостыня — дело не твое, а Божие. Богом тебе только порученное; ты исполнил дело Божие, пусть Богу и слава воздается: *не нам, не нам, Господи, но имени Твоему даждь славу* (Пс. 113, 9). Впрочем, и ты не будешь лишен славы: Бог все видит, везде присутствует; на Его Страшном Суде не укроется, как бы ты не старался скрыть ни малое, ни великое дело твое; поэтому знай, что ***и Отец твой*** Небесный, ***видяй в тайне***, от Которого ничто нигде не может укрыться, — ***Той*** — Он Сам ***воздаст тебе яве*** — явно, открыто. Это воздаяние бывает иногда и в этой жизни, когда рука дающего не только не оскудевает, но видимо наполняется; но особенно оно будет явно на Страшном Суде Христовом, когда за все дела и даже намерения твои будет объявлено тебе воздаяние.

«Чего желаешь ты? — объясняет святитель Златоуст. — Не того ли, чтобы иметь зрителей дел твоих? Вот ты имеешь не Ангелов, не Архангелов, но Бога вечных. Если же желаешь и людей иметь зрителями, то Он исполнит и это твое желание: если ты ныне захочешь показываться, то можешь показаться только десяти, двадцати или ста человекам; а если стараешься скрываться ныне, то тогда Сам Бог возвестит о тебе перед всей вселенной. Видящие ныне обвинят тебя в тщеславии, а тогда будут все удивляться тебе. Даже если бы Бог и не наказал за тщеславие, то и тогда ищущему славы неприлично было бы менять Бога на людей, заставляя их смотреть на свои добрые дела. Сам Царь Небесный желает видеть твой подвиг: зачем же ты от Него отвращаешься и желаешь, чтобы видели только люди?» Сам Отец Небесный на тебя взирает: будь же достойным такого Отца.

Так и творили угодники Божии дела милосердия к ближним. Их жития полны рассказов, самых трогательных, о тайной милостыне. Вспомним, как святитель Христов Николай Чудотворец в глубокую полночь бросал золото в окно бедной хижины старика отца, чтобы помочь ему выдать замуж его трех дочерей. Вспомним, как наш святитель Тихон Задонский тайно, через своего келейника, подавал милостыню беднякам. Есть, по милости Божией, есть и в наши грешные времена такие милостивцы, единому Богу ведомые. Они знают, что истинная нищета стыдится просить подаяния; бедному больно сознавать, что ему приходится жить на чужой счет, кормиться чужими кусками; зачем же стеснять несчастного, зачем давать ему чувствовать эту боль? Нет, лучше подай ему милостыню так, чтобы и ему было не стыдно принять, и тебе нечем было тщеславиться. Зато какое сладостное чувство испытает душа твоя, когда ты сделаешь добро тайное! Твое сердце скажет тебе, что на него снизошло благословение Божие, как роса Небесная, что это благословение низведено свыше молитвой того бедняка, которого ты осчастливил своим благодеянием. И доброе дело твое, сокрытое от людей, будет для души твоей манной Небесной, для сердца твоего елеем радования, и ты познаешь тогда, сколько счастья и блаженства может доставить человеку одно дело любви христианской. Да не увесть же шуйца твоя, что творит десница твоя!

ТРОИЦКИЕ ЛИСТКИ.
ТОЛКОВАНИЕ НА
ЕВАНГЕЛИЕ ОТ МАТФЕЯ.

О милостыне

Как-то у преподобного Моисея Оптинского были гости, с которыми он сидел в зале. В это время в переднюю пришла пожилая, бедно одетая женщина с подушкой в руках. Отец Моисей увидел просительницу в растворенные двери и, по обычаю, вышел к ней в переднюю с вопросом:

– Что тебе надобно?

– Батюшка! Сделайте милость, возьмите это, у меня дома дети голодные, есть нам нечего.

– А что эта подушка стоит?

– Полтора рубля.

– Это дорого, возьми рубль...

С этими словами отец Моисей пошел в спальню, взял пятирублевую бумажку и отдал ее старухе под видом рубля, приговаривая:

– Дорого, ох, дорого.

Женщина поклонилась и вышла. Отец архимандрит пошел к своим гостям, но едва успел вернуться, как старуха, рассмотрев в сенях ассигнацию, опять отворила дверь со словами:

– Батюшка, никак вы ошиблись.

– Да ступай, ступай, я же сказал, что больше не стоит.

Старуха ушла, а гости слышали только разговор про один рубль.

Много раз таким образом прикрывал оптинский старец свои благодеяния обездоленными нищим.

Сборник христианских притч

Человек Божий

Блаженной памяти схиархимандрита Виталия посвящается

Беседа 35

Из воспоминаний рабы Божией Аллы, г. Таганрог

(часть 2)

Синодик о. Виталия

Душа чувствовала благодатную силу, исходящую от старца

Когда Батюшка приходил в храм и выходил на исповедь, то весь народ выстраивался в очередь к нему. Все чувствовали его любовь. Все его искали, ждали. И все старались попасть именно к Батюшке, так как душа чувствовала благодатную силу, исходящую от него. Душа чувствовала облегчение и радость.

Благоговение перед святыней

Когда Батюшка стал уже слабенький и редко ходил в храм, то мы как идем на службу – он провожает и каждому из нас дает наставление: сколько купить просфорочек, кому, сколько поставить свечей. Например, храмовому празднику, Матери Божией (там была особо чтимая икона Пресвятой Богородицы), св. блгв. князю Александру Невскому, святителю Николаю (в соборе было два престола – Александра Невского и святителя Николая). А потом всегда встречает и расспрашивает: «Расскажи, кому ты ставила свечи, сколько покупала просфор, как ты делала поклоны». А если кто приезжал новенький, он у них после службы расспрашивал про всё: «Что ты видела? Как ты сказала?» – т.е. интересовался, как они вели себя в храме.

Обычно для елеосвящения Батюшка всегда передавал в храм духи. Говорил: «Подойди к такому-то батюшке, передай, скажи, что это – для полиелея». А потом спрашивал: «Как ты подходила, что сказала, как отдала?» – все расспросит. Любил четкость, точность, и чтобы всё выполняли по благословению. Воспитывал так, чтобы не было своеволия, а также невнимательности и неблагоговейного отношения к святыне.

Отец Виталий любил, чтобы дома горели лампады. Говорил: «Лампады горят в доме – уже церковь»[1]. И мы старались поддерживать неугасимую лампадку. Иногда бежишь домой, боишься: «Огонек там не потух? А пожара нет?» Желательно, чтобы лампады непрестанно горели. Но Батюшка никого никогда не обязывал, не говорил: «Не туши – это обязательно».

Синодик о. Виталия

У Батюшки был синодик – он у меня до сих пор хранится: весь потрепанный-потрепанный. Там записаны и цари, и царицы, и князья – он всех-всех поминал. И ставил рядом с именами крестики. Причем, у кого три, у кого два, у кого один. Мы спрашиваем: «Батюшка, что это: тут столько крестиков, а тут вот так?» А он говорит: «Я потом вам объясню, что это обозначает...» Но потом не пришлось такого момента, чтобы он нам объяснил. Хотя все у него было со смыслом, все имело значение.

«Какой институт закончил Батюшка?»

Приехала к Батюшке одна женщина с севера, врач. Она была молодая и ученая. Ее подруга уже знала Батюшку, а этому врачу дали путевку на отдых – то ли в Сочи, то ли в Сухуми. Подруга ей посоветовала: «Поезжай хоть на день к отцу Виталию. У тебя такие скорби – ты поделишься, он тебе поможет». Но никто ее тут не знал. И ее подруга послала телеграмму в Тбилиси, что «такая-то приедет на один день, потому что времени у нее нет – и, пожалуйста, уделите ей внимание». Был указан день, когда она приедет. И вот матушка посылает на вокзал своих помощников-благодетелей из местных жителей – мужа и жену. Они ее встретили, привезли к Батюшке (он в это время находился на Московском проспекте). Отец Виталий принял ее, как всегда – с улыбкой, с радостью. Посадил на пол, сам сел. Трапеза была прямо на полу...

И надо было ее видеть после посещения Батюшки: она настолько была растрогана! Она плакала, ликовала и говорила: «Я такого человека еще не встречала! Он мне рассказал всю жизнь, я открыла ему все свои скорби, он записал меня в синодик, он мне столько рассказал!.. Я такого человека в жизни не встречала!» И потом спрашивает: «Какой институт закончил Батюшка? У него настолько грамотная речь!» – а она же образованный человек. А Батюшка только семь классов закончил, но на нем была такая благодать! И она говорила: «Вы пока не расспрашивайте меня ни о чем – мне надо войти в себя. Мне надо все это передумать, каждое его слово. Я пойду, похожу – хочу все воспроизвести в памяти, что мне было сказано. Это так дорого для меня. Он всю жизнь мне рассказал, раскрыл, мне так легко». И вот она походила, успокоилась немножко, потом пришла, поделилась с нами... И мы поняли, что ее коснулась благодать Божия.

«Хоть я и скажу, а он не воспримет»

Но были и такие приезжие – задавали вопросы Батюшке, а он: «Как Владыка», – даже не отвечал. Он нам потом сам рассказывал, что есть такие люди, которые по-человечески не вынесут его ответа... Бывало, его спрашивают, а он молчит. Матушка переживает: «Отец, что ты молчишь? Что ты не говоришь?» А он опустит голову – и всё... А потом нам говорил: «Хоть я и скажу, а он не воспримет», – т.е. человек или не вместит, или не поверит. Ему как старцу благодать открывала, как поступать. Некоторые ведь просто из

[1] Говорил он это, разумеется, не в буквальном смысле, а от своего великого благоговения к святыне (*прим. ред.*).

любопытства спрашивали, например: «Батюшка, а как там [на том свете] мои родители?» Некоторым он говорил, а некоторым не открывал.

О Божественной благодати

Как-то раз я покаялась отцу Виталию: «Батюшка, вот приезжаешь от Вас – некоторые сестры сразу: "Ну, как там? Ну, что там? Что Батюшка передавал? Что говорил?" А хочется же передать, рассказать другому! Вот так рассказываешь, а потом вдруг чувствуешь: пустота в душе. Всё "рассказала"!» А он отвечает: «Так надо ум иметь, чтобы что-то говорить, а что-то – оставить душе. Надо ум иметь на всё»[2].

Батюшка часто нас благословлял, крестил и говорил: «Я вас часто благословляю – на вас благодать сходит, и надо ценить это». А мы тогда этого не разумели.

Помню, однажды мы причащались. Идем до Дидубе, а там такая высокая лестница. Мы спускаемся, а Батюшка нас снизу встречает земным поклоном. Поздравляет и говорит: «Каждый причастник получил благодать по своей мере. У каждого своя мера благодати». А мы и не знали... Кто бы нам без него всё это открыл?

«Грехи не дают дорожку»

Мы едем из Таганрога к Батюшке, а он в Тбилиси ставит свечи и уже говорит, кто едет, с какими мыслями. Я приезжаю и говорю: «Батюшка, ничего у меня не получается: хочу к Вам приехать, но ничего не получается».

А он говорит мне: «А ты пересмотри свою жизнь, свои грехи. Какие там у тебя грехи – вот они тебя и останавливают, дорожку тебе не дают».

Отец Виталий всегда говорил: «Просите Матерь Божию – Она стену откроет, и мы увидимся». Помню, такое в пустыни было. Пришли к матушкам на озеро, а Батюшки нет. Стали плакать, просить Матерь Божию, чтобы Она сподобила нас увидеть отца Виталия. И что же? На утро Батюшка пришел!

Он всегда подчеркивал, что нужно Матерь Божию умолять. Вот мы скорбели за матушку – она многих не допускала до Батюшки... А он говорил: «Если б вы смирялись и любили, стена бы сама расступилась, и мы увиделись». Мы же люди немощные. Кого-то осудишь, где-то превознесешься или понадеешься на себя... А о. Виталий говорил: «Если бы вы смирялись, то стена бы расступилась».

С одним рабом Божиим С., нашим земляком (сейчас он уже иеромонах), был такой случай. Мы работали вместе с ним в больнице – я на складе, а он – санитаром. Он несколько раз порывался поехать к отцу Виталию. И даже один раз собрался и поехал, но мать Мария его не допустила. Мы очень скорбели: ему, действительно, надо было побеседовать с Батюшкой. А матушка побоялась принять, потому что подсылали ко. Виталию всяких подозрительных личностей, даже девиц-шпионить. Как раз перед этим две девочки такие приезжали. И матушка после этого боялась принимать чужих, незнакомых людей. Хоть мы говорили про нашего С., что приедет такой-то человек, но сама она его не знала – и не приняла. Он поскорбел-поскорбел и уехал ни с чем. Потом приезжает и рассказывает нам всё.

Когда в следующий раз поехала к Батюшке, то рассказала, что С. очень сильно скорбел. А Батюшка мне отвечает: «Пускай проверит свою жизнь. Если он хорошо обдумает, то поймет, почему его не допустили». А потом добавил: «Надо Матерь Божию просить: Матерь Божия сделает так, что стена расступится, и вы увидите меня. А вы же не просите Матерь Божию».

Человек на Страшном суде будет отвечать за каждое слово

Батюшка говорил, что человек на Страшном суде будет отвечать за каждое слово.

Еще говорил: «На Страшном суде нас всё будет осуждать, даже предметы – те же стол, стул. Где грешила, где какое слово плохое сказала, где какое дело плохое делала – всё будет на Страшном суде являться как бы в обличение нам...»

Как же надо быть внимательным к себе! А из нас вылетает всё подряд – не думаем, что говорим. Но за каждое слово надо будет держать ответ.

У самого Батюшки «просто так» никогда ничего не было. «Просто» он никакого слова не скажет. Почему все с таким вниманием и прислушивались к тому, что он говорил.

Что в первую очередь делать по пробуждении?

Батюшка ко всему в духовной жизни был очень внимательным. И наставлял к тому же. Однажды был такой случай. На Дидубе собралось много народа: наши таганрогские, другие приезжие – и Батюшка беседует с ними. И вдруг обращается ко мне, говорит: «Сестра Алла, вот ты проснулась. Что ты делаешь в первую очередь?» Отвечаю ему, не задумываясь: «Бегу в туалет». Он глянул так на меня: «Вот это да!.. Надо ж в первую очередь перекреститься, всю себя запечатлеть крестом... И сделать поклоны: Спасителю три земных, Матери Божией три земных и Кресту: "Слава, Господи, Кресту Твоему Честному!"» Мне стыдно стало: вот о чем христианин должен думать в первую очередь, а я – сразу в туалет спешу...

О молитве

Когда мы приезжали на Дидубе, то всегда были «на побегушках». Матушка нас: «Иди туда! Иди сюда! То-то сделай!» Пошлет, например, на кухню. Там занимаемся делом и, конечно, о чем-то разговариваем между собой. А Батюшка всегда огорчался: «Ну о чем можно говорить? В монастыре не разговаривают – молятся». Он был в келье, а сам всегда знал, о чем мы разговаривали на кухне.

Но он никогда никого не осудит – просто скажет: «Некогда говорить».

Бывали такие случаи. Мы на кухне управляемся на Дидубе – Батюшка лежит, отдыхает (он уже слабенький был). Мы – разговариваем! А Батюшка лежит-лежит, лежит-лежит, потом приходит к нам: «О чем можно разговаривать? Где ваша молитва?»

Говорил: «Вы не представляете жизнь в монастыре. Мы в монастыре ни о чем пустом никогда не разговаривали. Мы знали только молитву, молитву...»

А он всё переводил на духовное...

Сколько в нас любопытства: что там в новостях показали, а что там?.. Батюшка иногда смотрел телевизор, но он смотрел и молился. Раз

[2] То есть, надо рассуждать, чтобы не говорить с хвастовством или по подстрекательству других наших страстей. Кроме того, нужно понимать, что некоторые слова старцы относят ко всем, а иные – только к конкретному человеку (*прим. ред.*).

шел какой-то военный кинофильм. Батюшка со вниманием смотрел, а потом ставил свечи. Матушка говорит: «Батюшка, да это ж кино, а Вы ставите свечи!» Он говорит: «Ничего ты не знаешь...» И продолжает ставить свечи. ОН ВСЕ ПЕРЕВОДИЛ НА ДУХОВНОЕ. У него увлечения телевизором не было. Матушка иногда включала, чтобы посмотреть «последние известия». А Батюшка молился.

«Я для вас – как загадка»

Батюшка говорил: «Я для вас – как загадка». Мы не вмещали Батюшку. Когда он лежал в Москве в больнице, врачи говорили, что видят перед собой взрослого ребенка. У него настолько было все просто, по-детски, что мы время от времени как бы забывались – «привыкали» к Батюшке. А в то же время какой-то страх брал душу: кто такой Батюшка? Ведь явно, что он был не от мира сего.

«Среди овец как молодец, среди молодцов как овца»

Батюшка нам говорил: «Среди овец будь как молодец, а среди молодцов – как овца»[3]. Всегда обращал на это наше внимание. И мы видели, как он это исполняет сам.

Когда приезжали священники, или Владыка Зиновий навещал его, Батюшка, действительно, был «как овца». Всегда священникам он отдавал предпочтение, всегда говорил: «Отче, благословите», – трапезу или еще что-то там. Несмотря на то, что они молодые, простые, он все равно им отдавал предпочтение. Ну, конечно, когда беседа идет, там уже понятно, как они беседовали [Батюшка говорил по-духовному – как его вразумлял Господь]. А, в общем, он всегда имел уважение к сану.

Батюшка нам разъяснял, что обозначает священный сан. Он всегда нам говорил: «Пройдет священник – землю за ним надо целовать: такая благодать! А осуждать – Боже сохрани. Он только поднимет руки к небу во время богослужения – и грехи, как репехи, падают с него – такая благодать на священнике!» А мы – такие, что даже дерзаем их осуждать...

[3] По всей вероятности, это – перефразировка с духовным смыслом известной пословицы: «Против овец – молодец, а против молодца – сам как овца» (*прим. ред.*).

Как вести себя с сектантами

Однажды ехал в поезде вместе с Батюшкой какой-то проповедник – то ли свидетель Иеговы, то ли еще какой-то сектант. Они разговаривали на тему, как правильно веровать. И Батюшка не мог его переубедить – остались каждый при своем мнении. Мы потом стали спрашивать: «Отец Виталий, а нам как поступать с ними? Часто же приходят». Батюшка ответил: «С ними не договоришься. Лучше совсем не говорить. Только надо за них молиться: «Господи, управь Сам»».

Верный в малом верен и во многом

Батюшка был внимательный ко всему, очень бережливый, и нас учил этому. Например, присылают что-нибудь, а там чистая бумажечка. Он ее разгладит – у него даже специальное место для нее. Потом обязательно ее использует. Письма он запечатывал так, чтобы не распечатывали – под уголок конверта подклеит бумажку и только потом запечатывает. Такой конверт не распечатаешь никогда. Все у него было настолько предусмотрено! Ведь могут и письмо раскрыть, а в его письмах было и благословение, и молитва. [В советское время это преследовалось, считалось равносильно «преступлению»].

Батюшка всегда нас учил, чтобы не было безалаберности ни в чем. Например, если увидел дырочку на одежде – тут же заштопай. Всегда следил за этим.

Как-то раз приехала я в Сухуми и вдруг узнаю, что придется идти с Батюшкой в горы. А на ногах у меня были тряпочные чувяки. Мы долго шли по дороге, на которой, конечно же, встречались и камни, и колючки. Взбирались по горам, по тропам. Обувь моя быстро порвалась. Отец Виталий увидел это, и сразу: «Давай снимай, будем штопать». И всё у него при нем: и иголочка, и ниточки.

Он нам говорил: «Надо предусмотрительно жить» [т.е. разумно и внимательно по отношению ко всем обстоятельствам жизни]. И приводил в пример случай, который с ним был: он в один дом как-то раз пришел, ему там предложили катушку ниток. Он отказался. А потом через какое-то время ему потребовались нитки – а их нет. И он подумал: «А ведь Господь мне заранее давал!»

Его благоговение освящало трапезу...

Как-то раз зашла я к Батюшке... И вот хозяйка (где он тогда на квартире находился) несет ему кушать. Ну, всё там: и масло сливочное, и сметанка, и рыбка... А он говорит: «Сестра Алла, кушай!» Ну, я, конечно, смотрю на него: а он травку кушает. И я стесняюсь: ну как же так, Батюшка кушает травку, а я – это? А он опять: «Кушай!» Я опять стесняюсь. А потом закончили кушать, я мало кушала, потому что стеснялась, а он и говорит: «Если б ты знала, от Кого это была трапеза!»[4] Я: «А-ах!» А он: «Всё! Всё... уже всё, уже пользы нет»[5]. Его благоговение освящало трапезу...

«Движения человека благоговейного тонки и аккуратны» (старец Паисий Святогорец).

Благоговейное отношение к пище

Вот трапеза. Он смотрит, например: огурчики никто не берет – и начинает кушать то, что никто не ест. Матушка переживает: это ж у него живот будет болеть, ему ж нельзя огурчики! И начинает их убирать, прятать от Батюшки.

А он наблюдает, как кто кушает.

Вот, например, рыба. Мы, сами знаете, как кушаем: обеими руками, все руки в рыбе. А Батюшка – тремя пальчиками! Потом облизал – всё! «Как вы кушаете рыбу? Я ни салфеткой не пользуюсь, ни воды не надо... вот: пальчиками. Облизал их – и всё. И рыбой не пахнет!»

«Всё, что исходит от благоговения, освящено» (старец Паисий Святогорец).

Или такая ситуация. Стоит общая тарелочка, с которой все кушают. Он кушает только со своего края. И нас так учил. «Только вот так, а не хватать с другой стороны». Настолько у него все было скромно, настолько все умно! И нас учил быть внимательными ко всему и благо-

[4] То есть, от Царя царствующих и Господа господствующих – Единого Питателя душ и телес человеческих (*прим. ред.*).

[5] Возможно, Батюшка сказал так, чтобы чада ценили каждый случай, каждую возможность приобрести духовную пользу (*прим. ред.*).

говейными пред Богом и ко всему освященному молитвой.

Какой «богатый» был Батюшка

Про Батюшку много наговаривали: «Какой он богатый: у него и в Сухуми дом, и в Тбилиси дом». А он нам говорит: «Вот всё – моё, а если разобраться, то подрясник на мне, и то не мой». Подрясник у него был латаный-перелатаный.

Как Батюшка любил природу! Выйдет из келии и любуется – каждым цветочком! И нас учил: «Вы посмотрите, какая красота!» Он во всем видел Божие присутствие.

«Есть ли в настоящее время подвижники?»

Батюшке задавали вопрос: «Есть ли в настоящее время подвижники?»

Он прямо сказал: «Есть. Есть такие подвижники, которые умоляют за весь мир».

О Глинских старцах

Где-то отец Виталий увидел: то ли фотографию Владыки Зиновия поставили в святом углу, то ли еще кого из глинских старцев. И кто-то возмутился: «О! с иконами поставили фотографию Владыки!» – и сказали, что этого не должно быть: дескать, «неправильно».

А Батюшка говорит: «Это вы рассуждаете неправильно. Всё «правильно» – пусть стоит», – он его почитал святым еще при жизни. И говорил: «Если б вы знали, в каких золотых ризах наши старцы – Владыка, отец Серафим, отец Андроник! В каких они ризах!..»

Прославление Глинских старцев

На заседании, прошедшем в Киеве 25 марта 2009 года под председательством Блаженнейшего Митрополита Киевского и всея Украины Владимира, Синод Украинской Православной Церкви заслушал доклад Преосвященного Иоанна, архиепископа Херсонского и Таврического, председателя комиссии по канонизации святых Украинской Православной Церкви, о причислении к лику местночтимых святых подвижников благочестия, подвизавшихся в Глинской Рождество-Богородицкой пустыни: схимитрополита Серафима (Мажуги), схиархимандрита Андроника (Лукаша) и схиархимандрита Серафима (Романцова).

Рассмотрев житие, труды, подвиги, чудеса указанных подвижников и свидетельства их народного почитания, Синод постановил причислить к лику местночтимых святых схимитрополита Серафима (Мажугу), схиархимандрита Андроника (Лукаша) и схиархимандрита Серафима (Романцова), включить их в Собор святых преподобных отцов Глинских, утвердить иконописные изображения новопрославленных святых, считать их останки святыми мощами, совершать их память в день празднования Собора святых преподобных отцов Глинских — 9/22 сентября — и вознес благодарность Всемилостивому Богу, дивному во святых Своих, Который явил нам новых молитвенников за нашу Святую Церковь и наш народ.

Новость о том, что в Глинскую пустынь прибудут мощи схиархимандрита Серафима, чрезвычайно обрадовала духовенство и прихожан. Еще живы современники отца Серафима, которые подтверждают желание старца быть похороненным в «своей красавице Глинской». Схиархимандрит Серафим (в миру — Иван Романович Романцов) родился в 1885 году в деревне Воронок Курской губернии. В 1910 году поступил в Глинскую пустынь. Был призван на фронт в Первую мировую войну, но после ранения в 1916 году вернулся в обитель. В 1919 принял монашеский постриг с именем Ювеналий. Под руководством мудрых старцев он приобрел навык полного послушания и смирения. После закрытия Глинской пустыни в 1922 г. о. Ювеналий поселился в Драндском Успенском монастыре (Сухумская епархия), где был рукоположен во иеромонаха и пострижен в схиму с именем Серафим. После закрытия Драндского монастыря в 1928 году о. Серафим познал много лишений: его арестовали и выслали на строительство Беломорканала, после освобождения жил в Киргизии и Узбекистане.

Гроб с частицами мощами схиарх. Серафима (Романцова) в Преображенском кладбищенском храме на Михайловке, г. Сухуми

В 1947 году, уже достаточно мудрым пастырем, он вернулся в Глинскую пустынь. Видя духовную

опытность и совершенство монашеского подвига отца Серафима, его назначили на должность духовника обители. Как свидетельствуют очевидцы, это

Архиепископ Конотопский и Глуховский Лука (Коваленко) и управляющий делами Сухумской епархии прот. Виссарион Аллка в Преображенском храме после панихиды.
На аналое – икона преподобного Серафима (Романцова)

был истинный наставник на пути ко спасению. С особой отеческой любовью отец Серафим принимал тех, кого терзали горести, печали, уныние, кто не знал, каким путем идти в жизни. В то время в Глинскую пустынь устремлялись люди из разных концов страны. Советы отца Серафима имели огромный вес, так как он сам соблюдал в жизни все, чему учил других. Смирение самого старца было изумительным, он никогда не приписывал ничего своим личным дарованиям. За советами к нему обращались не только миряне и монахи, но и архиереи. Но в 1962 году Глинскую пустынь закрыли, и старец переехал в Сухуми, где продолжил труды, будучи духовником кафедрального собора. Никогда до этого сухумский храм не был переполнен так, как при отце Серафиме, который до конца дней своих сохранил ясность ума и глубокую молитвенность. Он имел дар непрестанно умной молитвы Иисусовой. Умер благодатный старец 1 января 1976 года. Его похоронили на Михайловском кладбище Сухуми.

— Глинская пустынь знаменита в православном мире своими традициями старчества, — говорит архиепископ Конотопский и Глуховский Лука. — В прошлом году 13 глинских старцев были канонизированы. Божией милостью нам явились еще трое новых молитвенников. Схимитрополит Серафим, схиархимандрит Андроник, схиархимандрит Серафим занимают в истории православного монашества нового времени особое место. Они пережили закрытие обители, на их долю выпали гонения, ссылки, тюрьмы. Но в смирении они проявили огромную любовь к ближним. За советом и поддержкой к ним приезжали верующие со всего бывшего Советского Союза. И сегодня еще живы люди, которые свидетельствуют об особой благодатной силе их молитвы, о даре прозрения старцев. Вся братия обители не перестает благодарить Бога за то, что почитаемые в народе старцы стали небесными покровителями не только Глинской пустыни, Сиверщины, но и Абхазии, Грузии да и всей Православной Церкви.

В минувшую осень в Абхазию прибыла делегация Украинской Православной Церкви, возглавляемая архиепископом Конотопским и Глуховским Лукой, для обретения мощей схиархимандрита Серафима (Романцова).

После обретения мощей в Михайловском храме отслужили панихиду. Затем мощи были перенесены в Сухумский кафедральный собор, откуда бо́льшая часть их отправится в Глинскую пустынь.

Украинские священники довольно долго ждали этого события. Во время визита в Киев патриарха Кирилла владыка Лука и о. Виссарион вместе подошли к Патриарху за благословлением.

Архиепископ Конотопский и Глуховский Лука (Коваленко) сказал: «После этого было издано распоряжение по Московской патриархии, которое было адресовано мне и отцу Виссариону, с благословением, чтобы большая часть мощей была перенесена в Глинскую пустынь, но и также значительная часть была оставлена в Абхазии, дабы сохранялась духовная связь между Абхазией и Глинской пустынью».

Для Абхазской Православной Церкви обретение мощей преподобного Серафима тоже имеет огромное значение. Люди, которые застали его проповедь, рассказывают, что в советское время Сухумский собор никогда не был так переполнен, как при отце Серафиме.

Вынос мощей с территории Преображенского храма

Владыка Лука в своей проповеди, обращаясь к абхазцам, сказал: «Мы должны радоваться тому, что являемся свидетелями такого дивного события. Мы оставляем вам икону аналойную о. Серафима со значительной частицей мощей. То, что было вынуто из могилы — останки гроба, ветошь, которая там была — это тоже остается здесь. Да и все

Крестный ход по улицам Сухуми с места погребения о. Серафима в кафедральный Благовещенский собор. Впереди — икона трех новопрославленных святых: схимитрополита Серафима (Мазуни), схиархимандрита Андроника (Лукина) и Серафима (Романова)

равно невозможно полностью все вынести из могилы. И ведь в подтверждение этих слов — чудеса, которые происходят от земельки, взятой с могилы святых угодников. И вы будете приходить на эту могилку и обращаться к о. Серафиму, и он всегда вас услышит, он всегда придет к вам на помощь. В кафедральный собор Сухума мы переносим тоже красивый ковчег, где будут почивать мощи отца Серафима...

...Чему мы можем научиться у о. Серафима? Ведь за внешней суровостью насколько добрый был этот человек, насколько он любил всякого приходящего к нему! Какой любовью он покрывал тех, кто прибегал к нему за духовным советом! Неважно — это большой начальник или это простой человек, это великий грешник или это монах, праведник. Он каждого покрывал и обнимал своей любовью. И по сей день, и до скончания века, Возлюбленные о Господе братия и сестры, о. Серафим всегда нас будет покрывать своей любовью. А мы должны научаться этой любви у него. Аминь».

Блаженной памяти схиархимандрита Виталия посвящается

«За вас горит свеча...»

Слово преосвященного Никона, епископа Липецкого и Елецкого, сказанное на панихиде по схиархимандриту Виталию (Сидоренко) 30 ноября 2009 года

Царство Небесное, место покойное приснопоминаемому схиархимандриту Виталию!

Смотрим мы сейчас на горящие свечи, и вспоминается келья схиархимандрита Виталия... Так же горят свечки, а он молится, поклончики делает, обирает воск со свечей, догоревшие, маленькие заменяет большими... Все обыденно, но труд его был великим — труд во спасение многих душ. Ставил свечки отец Виталий и о тех, кто погиб на войне, и о тех, кто нуждался в помощи... — о живых и мертвых.

Жизнь отца Виталия удивительная. Сейчас из воспоминаний многих его чад мы немало узнали о нем. Но это лишь частичка того, что мы могли увидеть в нем. Вся жизнь Батюшки — тайна, сокрытая от нас Богом. Многое из его жизни сейчас может показаться неправдоподобным: невозможно так жить, как он жил!

Но когда Господь сподобил общаться с ним, приезжать и видеть его, немного приоткрылась завеса его жизни.

Батюшка был таким любвеобильным, он не жалел себя. Внешне не совсем красивый, но изнутри шло такое обаяние, что все хотели быть возле него, прикоснуться к нему... Батюшка помогал людям укреплять веру, хранить христианские истины, помогал переплыть бурное житейское море...

Отец Виталий говорил: «В молитве не нужно быть ленивым. И крест нужно налагать на себя, чтобы чувствовать его, и быстро кланяться». Не как мы — лениво, а может быть, вообще кивком головы кланяемся. Он говорил: «Нужно молиться нараспев». И сам он не читал, а пел молитвы. Он всю жизнь пел Богу — своим словом, своими трудами и подвигами.

Батюшку недаром называли ангелом. Как Ангелы день и ночь прославляют Господа, воспевая: «Свят,

Свят, Свят Господь Бог Саваоф, исполнь небо и земля славы Твоея», так и Батюшка. Он постоянно пребывал в молитве. И нас учил: «Старайтесь читать Иисусову молитву». И приводил пример: «Вот отца Андроника забрали в милицию и стали писать на него протокол. А он сидит и молится... Милиционер один раз ошибся, бросил бумагу в корзину. Второй раз ошибся — бросил. Третий раз... Тогда берет схиархимандрита Андроника за шиворот: «Иди отсюда», — старый, мол! Так Иисусова молитва ограждает нас здесь, на земле, от всяких бедствий, помогает нам во всех искушениях...

Почему Иисусовой молитвой все старцы, все люди благочестивые занимаются? Потому что память о Боге должна быть всегда! И недаром Иисусова молитва называется непрестанной. Почему, когда мы к Батюшке приезжали, он всегда всех встречал, обнимал и приветствовал словами: «Христос посреди нас!» И мы отвечали: «Есть, и будет!» Почему он требовал, чтобы мы на всякое дело брали благословение: писать ли или готовить трапезу, или почитать — на все брали благословение у Батюшки. Потому, чтобы имя Божие всегда было у нас на устах...

Имя Божие изгоняет тьму: и помышлений скверных, нечистых, и суетных помыслов, и всех наших житейских попечений. И когда мы к Батюшке приезжали, то все житейское, что мы привозили, думали решить — все уходило, все забывалось, и эти проблемы казались такими маленькими, что стыдно их было решать с Батюшкой...

Батюшка старался, чтобы мы жили в Боге и думали о спасении, чтобы не прилеплялись к земному, вещественному, тленному. Как он презирал свою плоть! Он не жалел себя. Вспоминаю, это было на моих глазах, когда он разбивал плитку восковую молотком на руке. И у меня такая появилась ревность. Я думаю: ему больно, он осушит ладонь. Говорю: «Батюшка, благослови, я разобью». Он говорит: «На». Я бил, бил, — безполезно, потому что молоток вминается в этот воск, и тот не колется. Он говорит: «Да нет, не так». Берет эту плитку и молотком раз-раз — и расколол. Я говорю: «Господи, помилуй». У меня бы уже кости трещину дали от его ударов!

Он научал всех не словами, а своим примером, своей любовью. Он всем целовал ноги, руки, всем старался угодить. Бывает кто-то только помыслит: «Вот, Батюшка ее больше любит, чем меня...» — Но он мгновенно уходит, возвращается и приносит фрукты; всем дает по мандарину или по апельсину, чтобы уравнять всех. Его любовь не была избирательной. Он стремился помочь всем, и поэтому все уезжали от отца Виталия окрыленными, окрепшими и духовно, и телесно.

Но видели бы вы, как он радовался!.. Весь больной, изрезанный, а словно бабочка порхал среди нас... А мы, если чуть где-то что-то у нас побаливает, сидим, думаем: «Вот приехали к Батюшке подлечиться, наверное, так и уедем...» Нет. Уезжали совсем другими. Его энергия, его радостнотворный дух и нам давал эту радость...

В то же время он и строго относился к нам. Когда, например, читали утреннее правило, а мы где-то там, в хвосте, где попрохладнее, устроились, он тогда говорит: «Отец Никон, а ну-ка читай "Богородице Дево, радуйся" десять раз с поклонами»... — и сразу сон слетал и мечтания, еще жарче становилось от поклонов. Думаю: «Нет, все, буду молиться». И в храме, когда Батюшка проходил, «Иисусову молитву нужно читать», — шептал мне. Так же и в письме писал и указывал мне, какой я ленивый, нерадивый, совсем мало молюсь...

Конечно, все, кто приезжал со мной к Батюшке, до конца своей жизни помнили ту обстановку. Это краткое пребывание врезалось в память. И такое было желание — жить как он, хотя бы немножко подражая ему...

Он был болен, но делал поклоны. Он ничем не гордился, наоборот, говорил: «Виталий, прожорливый, как кабан объелся!» — и по лицу стучит. А оно опухшее, серого цвета... Мы понимали, что это он про нас говорил. Это мы как кабаны ходим. И мы отвечали: «Батюшка, прости за многоядение, сластолюбие»...

Отец Виталий много раз приезжал к нам в Липецкую область. Сколько было радости!.. Собирались в Бурдино — там был как бы тайный монастырь, совершались постриги... В местечке Кулига, где Батюшка молился, являлась ему Матерь Божия... Да, хорошо нам было с отцом Виталием...

Когда Батюшки не стало, мы стали острее чувствовать нападение вражие. Но по его слову: «За вас горит свеча и в этом веке, и в будущем», — мы чувствуем его старческое попечение о нас.

Да, мы не понесли тех трудов и молитвенных подвигов, которые он являл нам своим примером. Не понесли и не понесем, потому что нас засасывает мир своими страстями и пороками и незаметно уводит нас от главного...

Я хотел бы пожелать всем вам, чтобы молитвами схиархимандрита Виталия Господь помог вам найти тот путь, который ведет в Царство Небесное. Призываю на вас Божие благословение.

ОБ ИЗБАВЛЕНИИ ОТ ЗЛОПАМЯТНОСТИ

Часть 2

Вопрос: *Не могу преборoть такой глубоко сидящий внутренний настрой: «Меня не любят – и я любить не буду».*

Ответ: А почему бы не сделать иного вывода? «Если страдаю от непроявления любви ко мне, то почему бы мне не предоставить кусочек этой вожделенной мне радости другим? Ведь если я стану проявлять любовь к другим, то мои страдания уменьшатся – и другие порадуются, и я вместе с ними. Таким образом, я отвлекусь от своего болезненного эгоцентризма».

Вопрос: *Как-то трудно укладывается: ты пострадал (от чьей-то нелюбви), и ты же при этом – эгоцентрист...*

Ответ: Да. Потому что такой душевредный настрой «меня не любят» обычно зарождается в душе от страсти себялюбия. У себялюбивого вся жизнь крутится вокруг одной оси – своего «я»: «МЕНЯ обидели, МНЕ не дали, МЕНЯ забыли, МЕНЯ проигнорировали...» и т.д. Обиженная поза «меня не любят – и я любить не буду» – из той же серии.

Вопрос: *А каким образом можно от нее избавиться?*

Ответ: «Всякая страсть, – пишет преподобный Ефрем Сирин, – побеждается рассуждением». Потому и в этом случае нужно рассудить. Представим себе, ЧТО произойдет с душой в вечности, если она прежде смерти не избавится покаянием от вражды и злопамятности, а усвоит себе эти свойства. Если допустить, что эта душа по молитвам святых людей попадет в рай, то, увидев в Царстве Небесном своего обидчика, она и там будет продолжать на него враждовать, потому что не теряются душой усвоенные ею свойства и чувства – добродетели и страсти. И когда проявится действие этих страстей, то, конечно же, душа будет страдать от них, теряя мир и райскую сладость. Но более того – как бы чувства вражды и обиды не распространились и на Судию, Который простил этого ненавистного ей человека и допустил его в райские обители! Так душа, не прощающая обид, приобретает диавольское устроение вражды на человека и на Бога, и по своим свойствам сможет находиться только с диаволом, который есть первый человеконенавистник, но никак не с Христом, Который молился даже за Своих распинателей.

Вопрос: *Недавно проходила мимо женщины, от которой пострадала вся моя семья. Я вроде бы простила и каялась в своей неприязни к ней, но при встрече у меня даже рот не открылся с ней поздороваться. Это что же получается: опять ложь?*

Ответ: Этот случай показывает, что процесс приобретения и усвоения добродетели – благодушного прощения обид – только начался. Умом мы приняли Христову заповедь прощать, но сердце еще живет прежними чувствами и расположениями. А потому сейчас происходит временный диссонанс: ум настроен по-своему, что надо бы простить: «Прощаю». Но сердце еще не прощает.

Вопрос: *А как согласовать?*

Ответ: Когда ум примет решение: «Да, прощать своих оскорбителей нужно во всяком обстоятельстве», и потребует от сердца возненавидеть и оттолкнуться от полюбившихся и усвоившихся греховных чувств, таких, как «праведного» гнева, негодования, обиды, ропота, тогда начнут стираться разногласия ума и сердца. Но усваивается и закрепляется это благое расположение многократными и практическими поступками. И при нашем старании и божественном содействии сердце начнет сочувствовать уму. Как об этом пишет старец Иосиф Исихаст: «Когда ум к этому привыкнет и хорошо этому научится и навыкнет, то посылает это в сердце. Потому что ум – питатель души, и если он что-то доброе или злое узнает или услышит, работа его – опустить это в сердце – центр духовной и телесной силы человека, престол ума».

Потому Господь и посылает нам такие практические уроки: «от эгоцентризма и саможаления – к жертвенности и любви», чтобы это перешло и напечатлелось из ума в сердце. И этим мы ежедневно занимаемся (с разным успехом). Потому за испытания нужно благодарить, а не смущаться, ибо это – воспитание, любовная забота Божия о спасении наших душ.

Вопрос: *Но и это еще не все. Вроде бы и сердце, как говорят, отлегло, и смотришь на обидчика уже другими глазами, а память снова возвращает этот случай.*

Ответ: Ну и что? Греховна не сама память, не само воспоминание о бывшем случае, а то греховное расположение сердца и те чувства, которые сопровождают это воспоминание. Но и этого не нужно пугаться, потому что, как говорит митрополит Антоний Сурожский: «Нам дается возможность вновь пережить прошлое, чтобы изжить еще не изжитое».

Вопрос: *Но что практически делать, чтобы «изжить не изжитое»?*

Ответ: При таком воспоминании и нужно помолиться за себя и за обидчика: «Господи, ты видишь

нашу немощь, помоги мне и прости ему». Это очень важно, ибо молитвою угашаются все греховные чувства, и происходит духовное исправление и исцеление души.

Вопрос: *Но даже если обида изгладилась, все равно к этим людям остается какое-то осуждающее отношение.*

Ответ: А тебе никогда не приходило в голову, в чем причина такого отношения?

В том, что зачастую мы строим себе иллюзию: хотя вроде бы признаем себя грешниками, но неосознанно поставляем себя на разные уровни греховности – и с тяжкими грешниками, и с неприятными для нас людьми. Думаем, что если не впадаем в блуд или убийство, или в такое оскорбление, какое нанесли нам, то мы уже почти и не грешные. Как бы говорим себе: «Да, я – грешник, но поскольку такого не делал, то почти что не грешник – по крайней мере, не такой, как мой досадитель...»

А ведь это – величайшее самообольщение, которое дает нам возможность осуждения и презрения подобострастных нам ближних – других грешников.

Вспомним, что сказал Господь про людей, которые пострадали от случившегося бедствия: «*Думаете ли вы, что эти галилеяне были грешнее всех галилеян, что так пострадали? Нет, говорю вам, но, если не покаетесь, все также погибнете...*» (Лк. 13, 2-3) И это определение Божественного суда – «все также погибнете» – очень важно для понимания сути погибели, которую мы почти не осознаем.

Духовная погибель заключается в удалении от души благодати Святого Духа. А удаляется она за каждый грех, прежде всего – за самодовольство и осуждение, которые мы так недооцениваем.

Вопрос: *Хорошо, и что же теперь делать?*

Ответ: Полезно, например, помнить образ «*огненного озера*», о котором говорится в Священном Писании. Господь сказал: «*Побеждающий* [т.е. человек, который борется против своих греховных склонностей и соблазнов, приходящих от плоти, мира и диавола, и побеждает в этой борьбе] *наследует все и буду ему Богом, и он будет Мне сыном. Боязливых же и неверных, и скверных, и убийц, и любодеев, и чародеев, и идолослужителей, и всех лжецов участь в озере, горящем огнем и серою. Это смерть вторая*» (Откр. 21, 7-8). Обратим внимание на то, что место в озере огненному уготовано не только блуд творящим и чары творящим, но так же и всем лживым, и всем страшливым. По нашим человеческим меркам это, казалось бы, – несправедливость, даже парадокс: как можно ставить таких разных грешников в один ряд?

Да, разные грешники, но всех их роднит удаление от Бога и как следствие – страдания.

Заметь – и это очень важно – не Бог вымышляет страдание каждому грешнику, а сам человек своим неправильным, ошибочным (т.е. греховным) действием (словом или помыслом) удаляет себя от Источника Жизни и потому обрекает себя на страдания. Если, к примеру, водолаз по невнимательности частично перекрыл себе кислород, то некоторое время он дышит еще нормально, но потом начнет задыхаться, если не устранит ошибку. Так и всякий грешник, если не исправит своих греховных ошибок, то начинает «задыхаться» душою и страдать от недостатка Святого Духа, Которым единственно «всякая душа живится». Такой человек и здесь, на земле, будет страдать и в вечности мучиться от неспособности принять и вместить любовь Божию. В итоге, он будет задыхаться от «удушья» в «озере», горящем «серою» его собственных страстей (каждый – в меру своей отравленности грехом).

Если чаще об этом размышлять, то, думаю, можно постепенно изгладить из души осудительное отношение к другим грешникам, в том числе и к нашим обидчикам.

Вопрос: *Все мои силы хочу и избежать скандала, чтобы не обличить, не накричать, не пожелать зла и... кроме как убежать, ничего в голову не приходит...*

Ответ: По этому поводу преподобный Силуан Афонский говорит так: «Один неискусный монах страдал от бесов, и когда они нападали на него, то он убегал от них, и те гонялись за ним...» Разница здесь только в том, что этот бедный монах явно видел бесов, а в твоем случае они действуют не явно, а через страсти, внушая: «Беги куда хочешь». Носуть одна и та же – человек думает, что он от них убежит, а на самом-то деле от них не убежишь...

«Если случится с тобою подобное, – говорит далее преподобный Силуан, – то не убойся и не беги, но стань мужественно, смири себя и скажи: "Господи, помилуй меня, великого грешника", – и бесы исчезнут; а если будешь трусливо бежать, то они загонят тебя в пропасть. Помни, что в тот час, когда на тебя нападают бесы, смотрит на тебя и Господь: как ты уповаешь на Него?»

Вопрос: *Но почему, когда я «киплюот злости», то очень теряюсь?*

Ответ: Потому, что, если выразиться образно, перекрываешь себе «вентиль» рассуждения, не стараешься рассмотреть эту ситуацию в духовном плане, но судишь только по-человечески, а также по своим задетым страстям. Ищешь способ убежать, либо как-то освободиться от конфликтной ситуации. Впадаешь в ропот, смущение и самооправдание. Но фактически, если придерживаться благоразумия, то, ощутив это «кипение от злости», нужно искать в чем мы уклонились от духовного образа мыслей, т.е. искать ошибку и способ как-то ее исправить.

Это подобно тому, как если человек вывихнул ногу, то еще может как-то передвигаться посредством костылей, палочки, коляски, или держась за кого-то, но нога-то все равно остается вывихнутой. А ведь полезнее исправить этот вывих, и тогда уже не нужен будет ни костыль, ни какие-либо другие приспособления.

Так вот, эту неправильность в нашем восприятии Божественного Промысла легче всего исправить, если понять, что все происходящее

с нами – благо и во спасение нам, хотя и не нравится нам горькое лекарство. Но как при вправлении вывиха нам бывает больно, однако мы терпим, зная, что потом сустав встанет на свое место и будет легко ходить, так надо потерпеть и постигшее нас искушение, зная, что оно в конечном результате принесет благо. Да, оно причиняет нам скорбь и страдание, но при духовном образе мыслей всё встанет на свои места, и мы получим облегчение. И уже по мере исправления и выправления таких «покривлений» сможем с радостью и благодарением Богу и людям пребывать на всяком месте, а не пытаться бежать «куда глаза глядят».

Вопрос: *И какое же «благо» я могу получить от рассматривания этой своей ситуации «по-духовному»?*

Ответ: Хотя бы то, что поймешь, что «кипение от злобы» – состояние ненормальное, а возбужденное духами злобы, которые взяли власть над твоей душой. Увидев это, ты уже не будешь думать, что у тебя «всё хорошо», а будешь знать, что твоя душа больна, нуждается в исцелении, и будешь искать для нее соответствующих лекарств.

При этом на людей, причиняющих тебе боль, будешь глядеть как на благодетелей, а не бегать от их «прижиганий». Потому что разве кто-то бегает от своего блага и спасения, хотя бы это и сопровождалось иногда чем-то неприятным? К примеру, если мы утопаем в реке и какой-то человек, бросая нам веревку, узлом этой веревки стукнет нас по лбу, мы же не станем на него обижаться и отстраняться от спасательного средства?

Главная беда твоя в том, что ты не усматриваешь в своих жизненных обстоятельствах благого Промысла Божия. А в этом искаженном восприятии – ложь, которая всегда приводит к страданиям.

Вопрос: *Но мне почему-то все равно думается, что вот был бы на его месте кто-нибудь другой, я бы все приняла и согласилась, но насчет него я не воспринимаю, не получается.*

Ответ: Это потому, что ты не воспринимаешь никаких объяснений и благих доводов, так как находишься в ослеплении страстью гнева. Эта страсть, усвоившись, превращается в затаенную глубокую ненависть, которая и мучит душу, а при незначительном поводе превращается в очередной взрыв раздражения, ропота, негодования, обиды. Поэтому слова объяснений и не воспринимаются.

Пойми: если ты страдаешь, значит, есть какой-то «вывих» в мысленном восприятии (т.е. в понимании происходящего с нами), как если человек вывихнул ногу, то ему трудно делать каждый шаг. Поэтому надо не дорогу винить, а выправить свои покривленные восприятия, тогда

будет легко и даже радостно идти по жизненному пути.

Вот ты ропщешь на Бога – зачем постоянно посылает тебе конфликтные ситуации? Дескать, разве в этом Его «любовь»? Но взять обычный земной пример. Мать воспитывает своего ребенка и заботится о его благе. Как она это делает? Ведь ее забота проявляется не только тогда, когда она дает малышу конфетки и гладит его по головке. Но и тогда, когда заставляет его кушать «противную» манную кашу, ведет в зубной кабинет, не разрешает заглядывать в колодец и грызть сосульки (да еще и шлепает его за это по попке), а когда болит животик, то силком дает ему горькое лекарство... Каждая мать понимает, что все эти действия – ее любовная забота о своем чаде, хотя ребенком это воспринимается почти всегда как зло. Подобным образом и Господь желает взрастить в нас доброе устроение и исцелить от всех страстей, а в первую очередь – от гордости, матери всех зол. Мы же воспринимаем это как проявление Его нелюбви.

Если ты все это поймешь и примешь осознанно, то изменятся твои отношения и к Богу, и к людям, и ко всем обстоятельствам жизни.

А относительно конкретного случая с оскорбившим тебя человеком, то если сразу не можешь исправить весь образ мыслей, то для избавления от этого омрачения полезно вспомнить слова апостола: «*Всяк ненавидяй брата своего человекоубийца есть*» (Ин. 3, 15), – и задать себе вопрос: а этот человек входит в благой Промысл Божий или действует независимо от него? Начни с молитвы: «Господи, помоги мне увидеть этого человека, к которому у меня неприязнь, своим благодетелем и участником Твоего Промысла, который устрояет всё для моего спасения».

Вопрос: *И будет он дальше меня мучить – мой «благодетель»...*

Ответ: Чувство мучения зависит не столько от оскорбления и иных обстоятельств, сколько от нас – от нашей реакции на них. При правильном, Христа ради претерпевании всякой скорби, душа получает утешения Святого Духа и эти страдания становятся ей вожделенны (а не мучительны). И это касается не только душевных страданий, но и физических. Так, к примеру, священномученик Климент даже просил продлить время его мученических страданий.

А «когда мы гордостью удаляемся от Господа, то самих себя предаем мучению, – говорит преподобный Силуан Афонский, – тоска, и уныние, и злые мысли терзают нас».

«Гордого Господь оставляет помучиться своим бессилием, покамест не смирится. А когда смирится душа, тогда враги побеждены, и душа обретает великий покой в Боге».

«Распознать в себе гордость очень трудно. Но вот тебе признаки: если на тебя нападают враги (бесы) или мучают плохие помыслы, то это значит, что в тебе нет смирения, и потому хотя бы ты и не понимал своей гордости – смиряйся».

«О, как надо просить Господа, чтобы Он дал душе смиренного Духа Святого. Смиренная душа имеет великий покой, а гордая – сама себя терзает. Гордый не знает любви Божией и далек от Бога. Но кто борется против гордости, тому поможет Господь победить эту страсть».

Приняв всё это к сведению, постарайся посмотреть на происходящее с тобой с другой стороны.

История Усманского женского монастыря

Часть 4

годы благодатного пребывания на Тамбовской кафедре святителя Феофана (Говорова) Усманским Софийским монастырем управляла поставленная еще в 1856-м на должность настоятельницы игумения Серафима, монашеский постриг принявшая в 1840-м году. Как следует из сохранившихся свидетельств, она не менее двух десятилетий окормляла Новоуглянское сестричество и делала это столь успешно, что пожалован был матушке Серафиме наградной наперсный крест, какие в таких случаях обычно даровались Святейшим Синодом «за достохвальное и полезное служение» или за «за отлично усердные труды по благоустройству обители»...

Около 10 последних лет служения игумении Серафимы верной ее помощницей была казначея обители Олимпиада, в 1857 году принявшая постриг, а в 1866 году занявшая должность казначеи.

Монастырь рос и благоустраивался — к 1876 году число келейных корпусов здесь достигло 10, причем 6 из них были «каменными». Каменные жилые помещения в два этажа устроены были и «при колокольне с обеих сторон».

Составляли сестричество к этому времени 23 монашествующих, 31 рясофорная послушница и 44 «указных». К последним относились прошедшие искус добровольного послушания и, согласно поданному прошению на имя игумении, приписанные к монастырю с тем, чтобы готовиться к принятию пострига. То есть общее число насельниц, включавшее и неучтенных статистикой «находящихся на испытании», было заметно большим.

При монастыре к 1876 году действовало училище для сирот из числа «девиц духовного звания», бывшее одновременно и приютом. По данным 1908 года единовременно здесь жили и обучались до 5 девочек-сироток из духовного сословия.

При Успенской церкви попечением игумении начала формироваться библиотека душеполезных книг, насчитывавшая уже 53 тома. С 1883 года сохранялись при храме в полном объеме метрические книги.

Успенская церковь Софийского монастыря была приписана ко 2-му Усманскому благочиннническому округу и была главной в приходе, в состав которого входили еще 2 приписных одноименных Архангельских храма — кладбищенская церковь в Новоуглянке и церковь села Песковатое. По штату полагались монастырской церкви настоятель с 2-мя помощниками и 3 псаломщика. В 1876 году настоятелем был священник Емельян Никитич Троицкий, а клириками — священники Стефан Орлов и Петр Дмитревский. Сослужил им также и сверхштатный священник «Фед. Павл. Тихомиров».

Проживало священство «за оградою монастыря», где имелись «помещения для священнослужителей» — «дома монастырские: для священника и двух псаломщиков по 10 арш. кругом, с сенями и кухней, а дом другого священника 15х13 кв. арш.».

Доход Успенского причта от треб и прочего в конце первого десятилетия XX в. составлял 2000 рублей в год. Также числилось за храмом на 1909 год 1000 рублей причтового капитала, образованного из пожертвований благотворителей. Проценты с причтового капитала также шли на содержание клира. В частности, на содержание диаконов, служивших на псаломщических должностях. Добавлялась сюда и причтовая доля из процентов с общемонастырского капитала, что было оговорено еще при основании обители.

Дополнительное обеспечение причту давали и доходы с сельхозугодий, числившихся за храмом. 33 десятины пахотной земли в 14 верстах от монастыря были пожертвованы на эти цели еще первостроительницей обители Н. Г. Федоровой. В материалах 1911 года про эту землю сказано, что она «удобная» и дает годового дохода 330 рублей.

А в 1898 году по духовному завещанию вдовы коллежского асессора Софии Николаевны Труниевской за монастырем были «укреплены» 45 десятин пахоты, из которых 15 десятин предназначались специально на содержание причта монастырской церкви путем сдачи земли в аренду.

При этом не только С. Н. Труниевская, со времени изначального дара Федоровой, пополнила земельные угодья Новоуглянского сестричества.

И дары эти были весьма важны для заштатного Софийского монастыря. В его описаниях подчеркивается: «Казенного оклада на устройство и поправку церквей, келий, поправку и содержание монастыря не получается, а содержится обитель доходами с земли, от хозяйственной экономии и процентами с капиталов».

В 1868 и 1878 годы «господами Саварскими» пожертвовано было в пользу Софийской обители полевой земли общим счетом 98 десятин 2314 квадратных сажени. А от «госпожи Костевич» в 1874 году, по дарственной, было добавлено для пропитания сестричества «огородной земли 5 дес. 1035 кв. саж.». Тогда же, в 1874-м, «от казны во владение монастыря» выделено было 100 десятин дровяного леса, располагавшегося на расстоянии в 20 верст. Лес этот оставался во владении обители вплоть до упразднения ее большевиками, числясь как «лесная монастырская Дача при с. Крутчике Усманского уезда». Здесь был устроен небольшой хутор.

Второй монастырский хутор, именовавшийся «полевым», устроен был у деревни Егоровой Усманского уезда, в 14 верстах от обители, и имел первостепенное значение, будучи центром сельскохозяйственного производства при обители. Здесь труд-

ники и трудницы, а также вольнонаемные занимались «скотоводством, посевом разного хлеба, жатвенными и молотильными работами машиною, просорушкою и мельницею».

При хуторе был разбит плодовый сад и устроена небольшая пасека. В частности, о значении этого хутора для новоуглянских сестер говорит тот факт, что в 1901 году здесь были построены кухня, трапезная и помещение для проживания сестер «на время уборки хлеба».

Заметим, что к 1900 году земельные угодья монастыря еще выросли — обитель выкупила «у жены статского советника г-жи Дубисса-Крачак» 151 десятину земли в непосредственной близости от монастыря — «в даче при селе Новоуглянке». И с Высочайшего соизволения, последовавшего 21 июня 1900 года, земля эта была «укреплена» за монастырем с 1 сентября того же года.

А вот доставшиеся в дар от первостроительницы 2 водяные мельницы — одна на реке Усманке, а другая «на ручье Косякином колодце» — приносили пользу только в первые годы. Оказалось, что документы на мельницы должным образом не оформлены — и обители запретили их использование. Несмотря на все попытки монастырского руководства уладить этот вопрос, право на владение мельницами «по неимению документов казною не признано». Пока же продолжались тяжбы и хлопоты, стоявшие в бездействии мельницы вконец обветшали и разрушились, а потому, с благословения епархиального начальства, были в конце концов «упразднены».

Нескудеющим источником чистого дохода оставались для женского монастыря в Новоуглянке проценты с капитала в 40000 рублей ассигнациями, положенного первостроительницей «в основание его обезпечения». Через какое-то время после основания обители вклад ассигнациями был переведен в более надежное серебро, естественно, с уменьшением суммы, в соответствии с курсом пересчета. Но «по времени от благочестивых жертвователей, за вечное поминовение родных, поступали еще вклады». И на 1894 год неприкосновенный монастырский капитал составлял уже «около 30000» серебром. А к 1910 году сумма вклада достигла «37462 руб. 21 коп».

При этом надо отметить, доходы обители шли не только на содержание сестричества. Пример тому — упоминавшийся выше приют для сирот при Софийском монастыре.

Помимо училища-приюта, в 1897 году за оградою монастыря на средства обители устроена была одноклассная церковноприходская школа для крестьянских девочек села Новоуглянка. Монастырь позаботился о помещении, а настоятельница обители стала официальной попечительницей школы. Причем, попечение это не было простой формальностью. По данным 1909 года, «для наблюдения за порядком и чистотою» от монастыря приставлены были к учебному заведению послушницы, здесь же и проживавшие. Обитель также обезпечивала школу отоплением. Учительствовали здесь 2 законоучителя, получавшие по 15 рублей.

Один из келейных корпусов. Фото 1930-х годов

С началом XX столетия укрепление монастырского хозяйства и поддержка благотворителей позволили также позаботиться о реконструкции старых храмов и постройке новых, в соответствии с умножавшимся числом сестер и ростом притока паломников.

Но на рубеже веков Успенская церковь в обители оставалась единственной. Главными ее святынями считались местночтимая икона Божией Матери «Скорбящая» и келейная камилавка святителя Тихона Задонского. По описи 1909 года «церковь утварью достаточна, имеет полный круг богослужебных книг и библиотеку, состоящую из книг, полезных для чтения сестер». Насчитывала библиотека на тот момент 120 томов.

В 1905 году, с разрешения епархиального начальства, старая церковь на монастырском подворье, находящемся в самой Усмани, была сломана, и на ее месте, на средства благотворителя — купца Сукочева, выстроили новую. Богослужение в ней, как и прежде, совершал монастырский причт.

Тем временем в самом монастыре назрела необходимость устроения отдельного теплого храма. И в 1908 году, по благословению епископа Тамбовского и Шацкого Иннокентия (Беляева), заложен был каменный теплый храм во имя св. преподобного Серафима, Саровского чудотворца. К 1911 году храм был «вчерне готов». О. В. Кириченко в статье «Монастырские монахи-старцы и подвижники благочестия — духовники и попечители женских общин и монастырей», отмечая, что существует «много свидетельств, когда по любви к прп. Серафиму, после его прославления во многих женских обителях... строились храмы во имя него», приводит, в частности, пример устроения такового храма в Новоуглянке.

К 1917 году новый теплый храм был освящен и действовал. «В монастыре две церкви: холодный храм древней архитектуры, каменный, оштукатуренный и снаружи обеленный. Мерой: внутри длиной 42 аршина и шириной 13 аршин с хорами. Теплый храм во имя преподобного Серафима Саровского, каменный, внутри оштукатурен и обелен», — сообщает источник, относящийся к первым послереволюционным годам.

Л. МОРЕВ

Христианская нравственность в раскрытии святителя Тихона Задонского

Иеромонах Николай (Павлык)

Часть 4

ГЛАВА I
ГРЕХ ПО УЧЕНИЮ СВЯТИТЕЛЯ ТИХОНА

РОСКОШЬ

Роскоши (понимаемой в широком смысле, как всякого излишества, в целом всего не необходимого) святитель Тихон призывает опасаться, как моровой язвы или пожара, «поядающих души». «Один построил такие-то и такие хоромы, – пишет он, – один начал носить такую-то и такую одежду, один начал в такой-то и такой карете ездить, такую и такую трапезу поставлять, и проч. Видит то и другой, и подражает ему; видят то все, и делают то, что один. И так разливается везде и умножается роскошь, и час от часа более и более усиливается».

Как и вообще греховные, «мысли прихотливые и роскошные сатана, врагдушичеловеческих, представляет человеку, и в тех запутывает его: как дехорошо и благоприятно веселиться, то и то делать, тем и тем себя утешать, в гости ездить и гостей принимать, и проч. Так замышляет супостат, чтобы человек мир сей за свое отечество и рай веселии имел, а обудущем блаженстве забыл и так бы погиб».

Зло, причиняемое роскошью, многообразно. «Она весьма душу христианскую расслабляет, чужое похищает, людей обижать и от подаяния милостыни руку удерживать научает. Роскошь, как чрево, сытости не знает, и как пучина, все добро поглощает». Роскошь удаляет от Бога тех, «которые радуются о богатстве, о чести, о славе: которые пиршествуют, смехи чинят, танцуют, пьянствуют, кричат и прочие непотребные веселости производят. Отходит от таковых людей Бог, яко безчинием их оскорбляется; но приходит туда лукавый мира сего дух, яко угодные ему дела там содеваются». Роскошь делает человека «слепым» и «безумным». И опять сродство времен заставляет нас особо внимать обличению святителя: «Все ли печальное и смутное время веселиться? О, как усиливается грех и оскудевает благочестие! Сии люди так делают, как те несмысленные корабельщики, у которых корабль разбивается, а они пляшут; или как те безчинные граждане, у которых город горит, а они банкетуют. Отечество стонет от бед и напастей, но сии едины гуляки веселятся, ани не сыны Отечества, и соврагами нашими радуются о бедах наших, окружающих нас!.. О роскошь, роскошь! Как ты ослепляешь, обезумляешь и ожесточаешь людские сердца!» Обращается святитель и к истории, говоря, что «многие города и государства от роскоши погибли. Радость бывает окрестным нетриятелям, когда в государстве, противном им, роскошь умножается. Горе убо стране и государству тому! Ибо с роскошью и всякое зло там умножается. Оттуда не иначе чего оскидать, как погибели».

Для самого же человека роскошь оборачивается «горестями в жизни земной» и «нищетой в жизни вечной». «Третья часть блаженства мирского, – говорит святитель, – очевидно, имея в виду слова святого апостола Иоанна Богослова о трех источниках соблазна (1 Ин. 2, 16), – состоит в плотоугодии, в банкетах, пиршествах, веселостях и во всем, что чувства услаждает. Сие мнимое блаженство дотоле показуется нечто быти, доколе совершается и чувств касается, а как совершится, и чувствование престанет, то вместо сладости истинная последует горесть. Так, по совершении плотской похоти грызение злой совести бывает, на банкетах и пьянствах расслабление членов, болезнь в голове, дрожание рук и ног, и всего состава телесного многоразличная немощь наступает. Сласть есть удица, которой сатана души ловит и во ад бросает. В самократчайшем времени услаждаются сластолюбцы, но во ад сходят без конца горестного мучения чашу пить», разделяя печальную участь евангельского богача (Лк. 16, 19-31). Пристрастие к роскоши, угашая веру, не только делает человека постоянно неудовлетворенным, что бы он ни имел (страсть эта «есть бо прихотлива и ничем никогда удовольствоваться не может»), но и прямо ведет к преступлению. «Роскошь требует, чтобы человеку пространно жить. А на то немало суммы надобно. Откуда тую взять?.. Надобно убо роскошному всякую делать неправду. Властелину надобно с подначальных сбирать: помещику излишние оброки на своих крестьян налагать; купцу дешевую вещь задорогую продавать; иному мзду наемничу удерживать; иному жалованья, от государя определенного, подкомандным своим не давать; иному на воровство, хищение и всякую неправду обращаться надобно. Отсюда видим, что многие во всяком убожестве и недостатке живут, многие неимеют домов, дневного пропитания и одежды. Все сие от роскоши бывает! Роскошь научает людей обижать и обнажать».

Из многих «пособий против греха» святитель в данном случае особо выделяет следующее. «Надежду победить страсть к роскоши, – пишет он, – получим тогда, когда о блаженной и мучительной вечности будем размышлять. Тогда ничего не потребуем, кроме нужного. По похоти и роскоши много надобно: естество малым довольствуется».

Одним из проявлений роскоши является страсть к украшению, особенно в одежде. Сама по себе одежда «есть вещь, ни добродетели, ни греха не причастная: только употребление ее может быть, как и бывает, худе, и потому в грех употребляющему обращается. Всякого бо одеяния один должен быть конец (цель – *ц. Н.*), то есть прикрытие наготы и защищение немощного тела от стужи и непогоды».

Уже потому неразумно украшать себя и тщеславиться одеждой, что она «началась по преступлении заповеди Божией, ибо доколе не согрешили прародители наши, не имели одежды, яко не видели наготы своей». Таким образом, само употребление одежды должно было бы нашу «гордость низлагать и к смирению приводить».

Кроме того, щегольство безнравственно, поскольку «всякое излишество телесное без оскорбления Бо-

жия и обиды ближнего не бывает: богатство наше Божие есть добро, а не наше собственное. Того ради должно расход его чинить по воле давшего Бога, а не по прихотям нашим. Дается бо нам богатство не ради нас единых, но и ради ближних наших, которые того требуют». Поэтому, «хотя и праведное имение будет» (что почти невозможно, поскольку «оно не отъинуду, как от подобных людей собирается, или паче сдирается»), но «понеже суть (есть – *ц. Н.*) нагая братия, суть трясущиеся от хлада и мраза уды Христовы, суть в темнице за долги и оброки заключенные и прочие бедствующие: на таковых должны излишность и избыток употребляемы быть». Роскошествующие же «богачи – расточители суть богатства, а не строители; а которые хранят в сундуках богатство свое, то стражи его суть и рабы, а не Божии слуги и рабы».

Отдельно святитель говорит о широко распространившемся в XVIII веке употреблении косметики. «Большая еще суета и срам христианству есть, что жены белилами, красками и мастьми лица своя намазуют». Кроме тщеславия и несправедливости перед Богом и ближними всякой роскоши, здесь святитель видит и то «погрешение», что используются эти средства, чтобы «не токмо людям показаться», но, «что хуждшее того, понравиться и в любовь войти»[1]. Выставляют на торг то, что непродаваемо есть, и таковым лиц своих украшением, кроме того, что целомудрие потеряли, переправляют Божие дело, которое есть совершенное и не требует исправления». Тем более, что «краски здравия не придают, разве только вредят».

Особенно обличает святитель тех, «которые с той же безделицей и в храмы святые дерзают входить, и себя входящим выставлять и показывать. Молиться Богу приходим в храмы святые. Молитве же не такая, какую они на себе имеют, утварь приличествует. А какая? Смирение, сокрушение сердечное, умиление, слезы, печаль», и приводит известные библейские примеры святых жен: Анны, матери пророка Самуила, Иудифи, Есфири[2].

Любовь к роскоши свидетельствует и о внутреннем состоянии тех, кем владеет эта страсть. «Украшение сие, как есть суетное, так знамение есть и нерадения о душе, ибо кто печется о телесном украшении, тому недосуг пещись о душевном. Само сие украшение щегольское показует сердце, желающее суетной чести и славы, что и закону Божию противно: *не любите мира, ни яже в мире*» (1 Ин. 2, 14). Поэтому «христианам должно душу свою, а не тело украшать. Понеже душа безсмертна, и красота ее; тело тленно, и красота его. Когда душа украшается, то и тело, с душой совокупившееся, в свое время красоту воспримет. Чем же более украшается тело ныне, а душа пренебрегается, тем большее тогда и на душе, и на теле явится безобразие: душа бо человеческая подобна зеркалу, которое такой вид в себе воспринимает, к чему обратится». Наконец, «тело как ни украшай, красоты не прибавится ему; душа же, чем более удаляется от мира и мирских похотей, тем краснейшая делается». Украшается же она у того, «кто противится плотским вожделениям и отсекает их, и прилежит добродетелям».

Говорит святитель и о том, в каких случаях одежда не является роскошью, несмотря на свое богатство. «Многие одеяния цветного (дорогую одежду – *ц. Н.*) употребляют не ради снискания суетной славы и чести, но последуя общему обычаю и применяясь к званию и сану своему. Таковых вышеписанное мое рассуждение не касается. Зде охуждается (лишь) щегольство, пышность, гордость житейская, суета и слепота развращенного сердца, а не пристойность и умеренность; такожде и излишнее попечение о смертном и тленном теле, и небрежение о безсмертной душе. Что же надлежит до личного женского украшения, оно никакого извинения не может иметь, но есть точно едина прелесть, кознь, хитрость и вымысел злого духа, на прельщение и развращение целомудрия учиненный». И «хотя многие из жен не ради худого конца (не из злого умысла – *ц. Н.*), но последуя устарелому обычаю украшают лица свои, однакож без соблазна юным и им самим без греха то украшение не бывает».

Любовь к роскоши «рождает зависть и ревность», сопутствует ей и скупость. О последней святитель пишет: «О, роскошь и скупость – противные (противоположные – *ц. Н.*) сестры, но обе смертоносно заражают человеческие сердца. Едина расточать, другая хранить и стрещи (стеречь – *ц. Н.*) богатство учит, но обе на погибель человеческую; едина расслабляет, другая связует человека, но и та, и другая умерщвляют душу его».

Чтобы убедить своих читателей «украшение суетное удобнее оставить и умеренное житие провождать», святитель отчасти повторяет и усиливает некоторые из приведенных доводов против роскоши (о нерадении о своей душе того, кто тщеславно себя украшает; о неправедности если не самого богатства, то его использования предающимися роскоши; о нецеломудрии прельщающих и опасности для могущих соблазниться их нецеломудрием), отчасти приводит и новые. «Помнить смерть, что по лицу, масками ныне украшаемому, будут черви ходить, и что ныне мастями воняет (благоухает – *ц. Н.*), тогда будет смердеть, а потом и в прах обратится. Надобно будет ответ Богу дать за соблазн». Чтобы легче было отвращать пристрастный взгляд от своего лица, надо «умными глазами смотреть на пречистое Христово лицо, которое ради беззаконий наших заплевано и биено было».

Предлагается святителем совет и тем, против кого соблазн направлен (заимствованный из творений святого Иоанна Златоуста): «Когда увидишь жену красную, блещащуюся видом, златыми бором украшенную и к похоти возбуждающую сердце твое, тотчас обращай глаза твои на венец, свыше предлагаемый тем, кои побеждают прелесть».

---

[1] «Женам таковым следует ответ дать праведному Судии за соблазн, – пишет святитель. – Единого человека соблазнить страшно, кольми паче многих, за которых кровь Христова излиянна». Приводит святитель и 3-ю главу из книги пророка Исайи, обличающего женщин за их украшения, и сеющих соблазны.

[2] Таким был святитель и в жизни. Второй его келейник Иван Ефимов вспоминает, что когда святитель видел из окна своей кельи приехавших на ярмарку в Задонск «господ, идущих в церковь на богомолье, а паче женского пола, одетых щегольски, намазанных белилами, румянами и напудренных, – с наполненными слезоточами говаривал: "Бедные, ослепленные христиане! Смертное тело свое убирают и украшают, а о доброте душ своих едва ли когда вспомнят; почернели от грехов, аки мурин, не знающий Бога и не верующий во Христа Сына Божия". Случалось в таком уборе приезжать к нему женским особам для принятия благословения; в таких случаях он незнакомым отказывал, якобы за слабостью здоровья своего не в силах их принять, а прочим иногда (и от глубокого смирения своего) сказал через меня, что все равно – могут получить благословение и от иеромонахов. Когда же для получения пользы душевной приезжали к нему со своими женами знатные вельможи, то все свои уборы, а паче головной, пудры и букли женщины отлагали и являлись к нему переодетыми в смиренное одеяние».

Беседы инока с наставником

ИНОЧЕСКИЕ БЕСЕДЫ

Часть 1

МЫ И ГОСПОДЬ

«...пустите детей приходить ко Мне и не препятствуйте им, ибо таковых есть Царствие Божие»
Мк. 10, 14

Вопрос: *Помогите разобраться в текущих вопросах духовной жизни.*

Ответ: Прежде всего, нужно помолиться, чтобы не сам я отвечал, а ты слушал, но Господь вразумил, что сказать и как правильно понять сказанное.

Вопрос: *Почему при многолетних внутренних и внешних усилиях я не только не приблизился к Богу, но стал еще дальше от Него?*

Ответ: Мне кажется, причина в том, что с самого начала очень важно правильно установить свое расположение к Богу. Как мы к Нему относимся? Как к Отцу, как к Судье или как, избави Господи, к деспоту. Именно это определит дальнейшие наши с Ним взаимоотношения. От мучителя хотят спрятаться, не желают и слышать о нем. Если совесть и обличает, то от нее отгораживаются мыслию, что Бога совсем нет. Отсюда рождается атеизм — целая наука! Так бывает от неверного, ошибочного отношения к Богу. Потому нужно пересмотреть свой изначальный настрой по отношению к Богу.

Вопрос: *Действительно, вспоминаю беседы с неверующими людьми, всякий раз оправдывающими свое неверие мнимым немилосердием Творца. Мол, в мире столько горя и бедствий: природные катаклизмы, войны, эпидемии и т.п. И куда только Бог смотрит?*

Ответ: «Болхся... яко человек яр еси» (Лк. 19, 21) — вот в такую глупую позу поставил себя пред Господом непотребный раб в недоверии и клевете на милосердие Его. Если же мы относимся к нему как к Отцу, тогда мы хотим быть сыновьями. Когда же относимся к Нему, как к Судие, тогда становимся рабами наемниками или рабами, боящимися наказаний. И стараемся, естественно, меньше делать преступлений, т.е. грешить, а сделать что-то приятное, доброе и получить соответствующую мзду. Это изначальное отношение к Богу определяет весь наш последующий образ жизни.

Какими порядочными людьми вырастают добрые, послушные родителям дети! И как счастливы отец или мать, когда имеют послушных, преданных и ласковых детей. Разве есть что-нибудь на свете, чем бы родители для них не пожертвовали? Много больше любит нас Господь и приготовил нам в наследство Небесное Царство. И даже еще здесь на земле дарует сколько милостей?! А в Таинстве Причащения Тела и Крови Его дарует Самого Себя для очищения, освящения и обожения душ наших, а мы...

Вопрос: *Но, видно, мы не совсем те дети?..*

Ответ: Так надо каяться и исправляться, Господь ждет.

Вопрос: *А не возникнет ли тут соблазн «сразу в дамки». То есть, если отношусь к Богу как к Отцу, то уже и сын, и все теперь будет нормально. Нужна же какая-то трезвость — то ли я раб, то ли сын? На сына похож мало.*

Ответ: Как в самом деле (а не мечтательно) стать сыном, нас наставляет Священное Писание: «*Как новорожденные младенцы возлюбите чистое словесное молоко* (то есть слова Священного Писания), *дабы от него возрасти вам во спасение; ибо вы вкусили яко благ Господь*» (1 Пет. 2, 2-3). Сначала человек почитает Бога хотя бы так, как уважает своего телесного отца. Чтя наших родителей, мы ведь знаем, что им нравится, а что они запрещают, чего делать нельзя, и бываем наказуемы за проступки, как наемники или рабы, как сказано в Писании: «*Наследник, доколе в детстве, ничем не отличает от раба, хотя и господин всего*» (Гал. 4, 1). Благодушно терпя различные воспитательные меры, можно пройти эти две подготовительные стадии рабства и наемничества и достигнуть третьей — сыновства. И это зависит от нас самих: как воспринимаем эти наказания — или как от сурового хозяина, или как от родного отца. Но даже если с самого начала мы относимся к Богу как к Отцу, то все равно мы будем проходить эти необходимые ступени возрастания.

Дети ведь тоже иногда неблагодарны родителям. Некоторые, особенно безсовестные дети, даже вынуждают своего отца выгнать их из дома. Некоторые раскаива-

ются и возвращаются, а иные уходят навсегда. Но будем помнить, пока мы здесь, на земле, Отец нас зовет обратно домой и хочет, чтобы мы вели себя прилично. А в жизни иной двери закроются навсегда. Поспешим же каяться и исправляться. Нашему Небесному Отцу нужно смиренно доверить ведение всех внутренних и внешних дел. Сами же мы способны только еще больше запутываться во зле, как ни на что доброе без Бога не годные.

Вопрос: *Конечно, если Господь всеми способами как-то нас выправит, тогда действительно есть реальный шанс спастись, но при условии нашего старания, естественно.*

Ответ: Да, всем нам нужно довериться Богу как грудное дитя матери. Оно полностью доверяет маме, ничего не мнит о себе, но всю надежду имеет к родительнице. Та же день и ночь заботится о нем. И тепло и уютно этому младенцу в Божиих руках. И такое «малое дитя» Господь за ручку проводит во всех опасностях и все непонятное объясняет. Случается, возрастая, ребенок учится ходить самостоятельно и набивает шишки. Иногда радуется, иногда плачет, когда его учат. Так и нам божественному воспитанию не должно противиться, а выполнять потребное — веления совести и Христовы заповеди.

Вопрос: *Значит, нам осталось только осознать, что мы уже у Господа малые дети и слушаться Его повелений?*

Ответ: И не сомневаться, что уже ими являемся. Потому в трудностях воспитания, во всем с нами происходящем, видеть родительскую заботу. Когда дети подрастают, им приходится сидеть над уроками по многу часов, их приучают работе по дому, заставляют делать зарядку и обливание для закалки, чтобы они выросли хорошими и здоровыми людьми. Так же и все с нами случающееся, мы должны понимать и принимать как прямую заботу Отца Небесного о нас грешных, и благодарить Его за интересные уроки и за «ведра холодной воды».

О НАДЕЖДЕ НА БОГА

«...уповаем на Бога живого...»
1 Тим 4, 10
«...если Господь не охранит города, напрасно бодрствует страж»
Пс. 126, 1

Вопрос: *Вы меня очень воодушевили, так и жить радостнее! Теперь я более усердно возьмусь за молитву и буду уже молиться без рассеянности.*

Ответ: Для начала обрати внимание на крайне важный момент духовной жизни. Если мы скажем себе: я усердно возьмусь и чего-то там достигну, то этим уже поставили себе непробиваемую стену. Будем долго об нее биться и не пробьемся. Потому что *«аще не Господь созиждет дом (души), всуе трудишася зиждующие»* (Пс. 126, 1). А мы уже заранее все запланировали, все решили без Бога, положились на себя.

Сказать кратко: «Мнение не позволяет быть мнимому» (прп. Марк Подвижник). Во всяком благом начинании нужно прежде всего все упование возложить на Господа, а не на собственные силы. Со смирением будем просить: «Господи, если сие Тебе угодно, помоги мне выполнить задуманное, устрой это дело!» А иначе, кроме очередного расстройства, ничего у нас не выйдет.

Вопрос: *Когда душа приходит понемногу в доброе устроение, то хочется сохранить его и дальше. Но, как правило, оно быстро теряется. Вроде бы твердо намереваешься не возвращаться к прежним грехам, а удержаться не получается. Может, опять та же причина?*

Ответ: Да, опять страдаем от самонадеянности, что я отныне удержусь от грехов. Мы действительно искренне хотим исправиться, быть порядочными, прилагаем все старания. Но это не в наших собственных силах, ибо только Господь сохраняет нас Своею благодатию. Всякое (доброе) свое состояние должно расценивать как дар Божий. Если подумаем, что это мы такие, или что это наше неотъемлемое свойство, то мы сразу или постепенно все потеряем. Очень важно об этом помнить! *«Аз же рех во обилии моем: не подвижуся во век. Господи волею твоею подаждь доброте моей силу: отвратил же еси лице Твое, и бых смущен»* (Пс. 29, 7-8).

Вопрос: *Народная мудрость гласит: лучше не загадывать.*

Ответ: Что лучше не загадывать, вспоминается такой случай. В 1992 году, в котором от сотворения был 7500 год, зашла речь с братиями о возможных проявлениях апокалипсических предсказаний. В конце беседы я сказал: «Переживем 92-й год и посмотрим, что там будет». Тут же, взяв деревянную кувалду, стал забивать кол в землю, но на третьем ударе зацепился ею за тонкую капроновую веревку. Она спружинила и отбросила кувалду обратно, и я ударил себя по голове этой дубиной да так, что свалился с ног. Опомнившись, я мысленно задал вопрос: «За что?». И ощутил ответ: «А за то, что собрался еще пережить весь 92-й год». Вот такое я получил вразумление, чтобы более внимательно относился к тому, что думаю и говорю, чтобы я самонадеянно не загадывал на будущее. Апостол Иаков по поводу загадывания на будущее говорит так: *«Послушайте вы, говорящие: сегодня или завтра отправимся в такой-то город и проживем там один год и будем торговать и получать прибыль: вы, которые не знаете, что случится завтра: ибо что такое жизнь ваша? Пар, являющийся на малое время и потом исчезающий. Вместо того, чтобы вам говорить: если угодно будет Господу и живы будем, то сделаем то или другое, то вы, по своей надменности, тщеславитесь: всякое такое тщеславие* (выражаемое в мнительности, мечтательности, загадывании и составлении планов на будущее) *есть зло»* (Иак. 4, 15-16). Получив такой урок, понял, что то, что написано, нужно исполнять в повседневной жизни, контролируя свои мысли и речи, и с тех пор стараюсь говорить себе: если Богу угодно будет и жив буду... Вот такое вразумление.

Вопрос: *Все же возможно ли сохранять доброе устроение при надежде на Бога, или новоначаль-*

ным еще слишком тяжело удержаться в неизменном состоянии?

Ответ: Сохраняет нас Господь Бог, а Богу не тяжело... и луну удерживать на весу. Почему бы тебе не отдать Ему в руки свою душу и тело?

Вопрос: *Если что-то удается, то тщеславие тут же начинает «переговоры» и лестию проникает в сердце. Можно ли заранее решить, что моего добра не существует, что сам от себя я ничего доброго сделать не могу, а всегда действует Господь? И как только возникает «приятное» чувство самоудовлетворения сделанным, самодовольства, то сразу выбрасывать его в «помойную яму». Как же приобрести в душе навык, чтобы любую честь или похвалу немедленно переадресовывать Богу?*

Ответ: Обязательно надо приобрести такой навык. Если мы что-то приписали себе, то получается — украли это у Бога. И у соседа воровать-то грех. Тем более у Бога. Всякое благо, которое мы проявили, совершается действием благодати Святаго Духа. *«Без Мене не можете творити ничесоже* (Ин. 15, 5), и *«всяк сад, егоже насади Отец Мой Небесный, искоренится»* (Мф. 15, 13). Всякое благо исходит только от Бога, потому что *«никто же благ, токмо Един Бог»*, а мы проявляем свое произволение и начинаем делать добро, а Господь совершает его. К примеру, поговорили мы с неверующим человеком, и он обратился к вере. Но это не наша заслуга, а лишь воздействие благодати Святаго Духа на его сердце. Через наши уста его обратил Господь.

Вопрос: *Воровать у Бога... Как подумаешь о таком грехе, в душе появляется страх. Насколько полезно чувство страха?*

Ответ: *«Начало премудрости страх Господень...»* (Притч. 1, 7) Речь идет о боязни оскорбить Бога каким-либо грехом. В данном случае — приписать себе Божие действие. Это чувство уберегает душу от различных грехов, оно нужное, полезное и спасительное.

Вопрос: *Как примирить две мысли: я должен усердно делать добро, и абсолютно все творит Господь? Вроде бы присутствует противоречие.*

Ответ: Апостол Павел говорит так: *«еже хотети и еже деяти от Бога есть»*. Господь полагает человеку благую мысль в сердце сделать что-то доброе, полезное. Если человек отвечает на этот призыв, своим произволением соглашается, то приступает к делу и опять приходит благодать, чтобы уже успешно завершить начатое.

Вопрос: *Хотелось бы проводить высокое жительство, подражая отцам-аскетам, древним подвижникам, а на деле же крайне слаб и немощен. Но от сознания перед Богом этой немощи освобождаешься от запала разгорячения и самонадеянности, а приходит некое мирное устроение. Душа смиряется, сознавая: без Него я просто «половая тряпка». Может, особых трудов и не нужно, а гораздо важнее полагать перед Богом свое безсилие, никчемность и ждать милости?*

Ответ: В основном, это верно. Но надо и не прекращать своих всесторонних трудов в творении всего доброго и богоугодного, в том числе и попыток бдения, молитвы, поста и т.п. Не «особенных трудов», а жизненно-необходимого минимума, ощущая изнеможение, полезно произносить: *«Виждь, Господи, смирение мое* (и изнеможение) *и труд мой, и остави все грехи моя»* (Пс. 24, 18). У Ефрема Сирина говорится, что наше дело — во всяком богоугодном обстоятельстве предначинать своей свободной волею всякое доброе, богоугодное дело. А Господь потом, видя наше благое начинание, даст Свою божественную помощь, завершит начатое нами. Мы начали, Господь заканчивает. Но если и не начинаем, то и помощи не будет.

Когда пшеница попадает в стеклянную банку, ее лапки скользят по стеклу, и ей не выбраться, но если она хоть немного барахтается, то мы ее бедняжку заметим, пожалеем и выпустим. Но, если она и не шевелится даже, тогда мы пройдем мимо, решив, что уже не живая.

Вопрос: *На вопрос, какая из добродетелей самая лучшая, отцы давали ответ: та, которая тайная. Как бы это получше себе усвоить?*

Ответ: В каждом конкретном случае нужно просить Господа о вразумлении: как скрыть делание от людей и как правильно отреагировать на похвалу. Кому-то сделал добро, естественно, поблагодарят, похвалят. Но будем помнить, что хвалят не нас лично, а святую добродетель. Перенес через дорогу сумку бабушке, она тебе кланяется, но на самом деле благодарит добродетели: сострадание, сочувствие, милосердие — (т.е.) благо, как таковое. Благо нисходит от Бога. *«Всяк дар совершен свыше есть, нисходяй от Отца светов»* (Иак. 1, 17). Господь положил тебе на сердце сотворить милостыню. Бабушка благодарит за это доброе свойство, а не нас самих. Осел, когда кричали Господу: *«Осанна!»* мог ли приписывать славу себе? (Мф. 21, 9).

Добродетель есть то, чтобы всякий человек, верующий во Христа, творил только волю Божию, а в отношении к благам настоящей жизни был как мертвый — так, чтобы только в делах по исполнению велений Божиих и познавае он был живым и в этом только кругу обнаруживал движение и энергию [а не в делах мира сего]. Это и есть признак, что душа живая.

Преподобный Симеон Новый Богослов

Глинская пустынь в Тбилиси

Рассказ

Глинская пустынь... Какое прекрасное, отдающее чистым, тонким фарфоровым звоном словосочетание. Глинская – живое сердце православной монашеской жизни. В свое время она славилась не меньше Оптиной своими знаменитыми на всю Россию старцами. А когда враги Православия закрыли и разорили Оптину пустынь, Глинская пустынь с 1942 года еще девятнадцать лет несла миру свет Христовой правды.

Глинская стояла на рубеже России и Украины и числилась за Курской губернией, но, рачением Никиты Хрущева, с частью русских земель отошла в Сумскую губернию Украины.

Она возникла в XVI веке по милости Божией Матери, через ее чудотворный образ Рождества Богородицы, явленный в лесу на сосне. Вокруг этого образа и стала расти Глинская пустынь, в которой к концу XIX века было 5 храмов, 2 скита, 4 домовых церкви, 15 корпусов для насельников монастыря, 8 корпусов гостиницы для богомольцев, трапезная, прачечная, больница с аптекой и многочисленные хозяйственные постройки, в том числе 4 водяных мельницы и дом трудолюбия для сирот-мальчиков. Насельников в обители – более четырехсот. Это был мощный оплот Православия на южных рубежах России. После революции, сатанинской злобой безбожных властей, Глинская пустынь была буквально сметена с лица земли. Даже монастырское кладбище было уничтожено, кресты с могил повыдерганы.

Между прочим, уничтожить православное кладбище, сравнять его с землей было разлюбезным делом советских властей.

Я сам родом из Иваново-Вознесенска. Все мои предки упокоились в могилах под крестами на кладбище в Хуторово. И милая добрая бабушка Олимпиада Ивановна, и дед Василий Матвеевич, и прадед Матвей Иванович Сурин – купец первой гильдии, снабжавший Иваново дровами и имевший магазин музыкальных инструментов, строитель храмов, богаделен и ночлежных домов. На старости лет он роздал богатство и удалился спасать душу в Куваевский лес, где одиноко в келье пустынножительствовал лет десять, читал толстую славянскую Библию, молился ночами, стоя перед аналоем и иконами. Один отбился от разбойников, которые полагали, что купец прячет в келье кубышку с золотом, и наконец мирно предал дух свой Богу.

Так вот, коммунистические власти взяли да и снесли Хуторовское кладбище и на костях православных покойников построили завод Торфмаш, как будто не было другого места. Ивановская область не карликовое государство Лихтенштейн – слава Богу, земли там много. Так нет же, кладбище сровнять и на его месте построить новый советский завод – и точка!

Но вернемся к Глинской пустыни, которая духовно окормляла Восточную Украину и Южную Русь до 1922 года. Потом начались гонения на Церковь. Гонения пострашнее Диоклетиановых и Нероновых. С дикой сатанинской злобой комсомольцы разрушали монастырь, его церкви, хозяйственные постройки, загадили колодцы, рубили иконы, сжигали богослужебные книги. Разрушили даже каменную ограду монастыря. Монахов разогнали, кое-кого к стенке поставили. Так закончила свое существование знаменитая Глинская пустынь. Но дух ее все же жил в бывших обитателях.

В 1942 году монастырь открылся вновь, немцы-оккупанты не препятствовали этому.

Опять собрались старцы во главе с игуменом о. Нектарием, который, живя вблизи, в надежде будущего открытия монастыря, собирал иконы, книги, облачения. Надо было начинать все сызнова, создавать Глинскую пустынь – сиречь школу Христову, которая придерживалась строгого афонского устава. Вновь открытая обитель продержалась 19 лет – до 1961 года, когда новая волна государственной антицерковной политики опять захлестнула и смела этот славный оазис Православия.

Все 19 лет об обители ни разу не обмолвились в печати, и народ узнавал о ней друг от друга. И ехали, и шли люди туда за словом Божиим, за старческим наставлением со всей России и особенно из Москвы и Ленинграда. После первого закрытия обители мантийный монах о. Зиновий уехал в Абхазию, где прошел все ступени духовного послушания в монастырях и приходах Сухумской епархии, вплоть до высокого сана митрополита Грузинской патриархии. Вот к нему-то, под его митрополичий омофор, и стали собираться монахи-изгнанники Глинской пустыни. Их было немало, одни ушли в горные скиты Абхазии, другие рассеялись по приходам, но старцы держались около митрополита Зиновия в Тбилиси, дневали и ночевали при русском соборе во имя святого Александра Невского. Они были очень почитаемы не только русскими, но и грузинами, люди нескончаемым потоком шли к ним за советом и утешением. Я знал некоторых из них и особенно схиархимандрита отца Андроника (Лукаша).

Это были 60-е годы. Я работал в те времена врачом в далеком горном селении Южной Осетии. По всей автономной области усердием обкома КПСС не было ни одной церкви, ни одного священника. А душа-то просила церковной службы, исповеди, причастия.

Одна только была отрада и утешение – это Библия. Книга редчайшая в те годы, подаренная мне архиепископом Крымским Лукой (Войно-Ясенецким). И вот время от времени я собирался в дальний путь в Тбилиси, где был русский собор Святого Александра Невского – средоточие русской православной жиз-

ни в Грузии, где правил и скормлял все православные русские приходы Грузии и Армении владыка Зиновий, которого до сих пор мне как-то не пришлось видеть. Я съездил в райцентр Знаури и взял у главврача разрешение отлучиться на несколько дней – врачебный участок надолго оставлять было нельзя, все могло случиться, а врача-то на месте нет! Но Господь охранял и меня, и моих подопечных и споспешествовал в моей поездке.

За многие годы без меня ничего плохого не случилось. И слава Богу!

И вот, основательно потрясшись и покрутившись по горным дорогам, к вечеру я приехал в Тбилиси. Что за чудный город! Само-то имя его говорит, что он теплый. И теплый не только климатом, но и своим сердечным и благожелательным отношением. Там я не встречал нашего традиционного советского хамства, равнодушия, черствости и недоброжелательности.

И если я был чем-то огорчен, угнетен или в растерянности, люди как-то очень тонко чувствовали это, подходили расспрашивали, предлагали помощь. И так было по всей Грузии особенно в центральной ее части – Карталинии.

Однажды в небольшом городке Хашури я зашел в столовую пообедать. В столовой было почти пусто. Где-то вдали сидел и тоже обедал толстый милиционер с красным лицом и широкими черными усами.

Я доедал свой суп харчо, как вдруг ко мне подошел официант и поставил передо мной бутылку белого вина.

– Я не заказывал вина!

– Это тебе прислал вон тот человек, – официант мотнул головой в сторону милиционера. – Он сказал: «Я вижу, что молодой человек кушает харчо и такой скучный, и вина у него нет. Отнесите ему вино с нашего стола».

Я посмотрел на милиционера, и он с улыбкой закивал мне головой.

В Тбилиси я пересел на другой автобус и поехал в Кахетию поклониться мощам святой равноапостольной Нины и навестить своего духовного отца – пустынника Харалампия. Пробыв там день, я к вечеру вернулся в Тбилиси. Было уже довольно поздно, и мне пришлось заночевать у знакомых осетин. Утром на трамвае быстро добрался до собора. Вокруг ходили, сидели в ожидании начала службы истинно русские люди. Я и раньше обращал внимание, что чем дальше от коммунистических центров, тем яснее, спокойнее и приятнее лица, тем проще и естественнее люди одеты, тем спокойнее их разговоры, и нет в них хмурой напряженности.

А собор-то какой благодатный, прямо как будто его перенесли из Шунили Муромы. Эх, думаю, вот она, Русь-матушка!

Собор святого Александра Невского в Тбилиси

Надо поспрашивать народ: где бы повидать владыку Зиновия?

Вижу, у церковной ограды стоит старый монашек, стоит и разговаривает со старушками в белых платочках. Пойду – расспрошу. Подхожу ближе: монашек сухой, старенький. Одет неважно: на голове поношенная скуфья, ряса серенькая, потертая, на ногах лапти. Стоит, опирается обеими руками на посох.

Эх, думаю, какой-то пустынник с гор из бедного скита. Слушаю, перебивать неудобно. Разговор шел за жизнь. Старушка жаловалась, что зять пьет горькую и ее обижает. Старичок-монах наставлял ее, как приняться за дело, чтобы отвадить зятя от пристрастия к хмельному. Я дождался окончания разговора и обратился к монашку:

– Простите, Христа ради, где мне найти митрополита Зиновия?

Старичок посмотрел на меня ласково своими ясными, добрыми глазами и тихо сказал:

– Митрополит Зиновий – это я.

Ну, я так чуть и не повалился от удивления!

– Владыко, это Вы?

Я видел наших ленинградских митрополитов в черных шелковых рясах, в белых клобуках, с алмазными крестами, с драгоценными посохами в руках, как их с почтением принимали из черной лакированной машины, вели под руки в храм со славой колокольного звона, через строй подобострастно склонившихся священников, а они милостиво, обеими руками, раздавали народу благословение. А тут бедный старенький монашек с посохом и в лаптях. Это был старец-святитель Зиновий – митрополит. Это про него сказал Патриарх Грузии Илия II: «Владыка Зиновий является великим святителем Православия, носителем Божественной благодати, и источающееся отсюда не земное, а небесное тепло, собирающее вокруг него столько духовенства, столько верующих...»

Юношей в 17 лет он пришел и был зачислен в Глинскую пустынь еще в 1912 году. Он смиренно трудился на самых тяжелых послушаниях. Однажды забредший в пустынь юродивый, взглянув на смиренного, перепачканного на огородных работах землей послушника, закричал: «Это – большой человек, я недостоин стоять около него, это – святитель, архиерей».

В 1914 году его призвали в армию, и он попал на самый тяжелый участок фронта, в Белоруссию, в Пинские болота. От постоянной сырости он заболел и был определен в конвойную роту.

В 1917 году он вернулся в монастырь и принял монашеский постриг в день Благовещения. В 1922 году после упразднения Глинской пустыни инок Зиновий уехал в Абхазию. Уже будучи иеромонахом, он был настоятелем храмов, а когда храмы закрыли, ушел в горы и стал пустынником. Но советские власти нашли и разогнали пустынников. О. Зиновий стал странствовать по греческим селениям, отрабатывая хлеб и ночлег.

В 1936 году отца Зиновия арестовали и отправили на строительство Беломоро-Балтийского канала, а потом переправляли из лагеря в лагерь. По возвращении в Грузию он прошел все степени церковной иерархии и

дошел до степени митрополита Грузинской Патриархии.

Вот перед таким святителем стоял я, онемев, уставившись на лапти.

Старичок засмеялся тихим серебристым смехом.

– Что, лаптям удивляешься?! Нас, духовных, всех к старости ноги подводят. На службе, на молитве стоим долго, вот ноги-то и прохудились, болят. А в лаптях-то, ой как хорошо ногам-то. Я специально заказываю духовным детям своим. И везут мне лапоточки из России, с Украины, а здесь, в Иверских землях, лапти не знают. А у тебя, чадо, какое дело к митрополиту Зиновию?

– Я, Владыко, врач из Знаурского района, был у мощей святой равноапостольной Нины, останавливался в келье у пустынника старца Харалампия.

– А-а-а! Харлампушка, знаю, знаю Божиего человека. Жив еще?!

– Да, жив, – говорю, – Вам, Владыко, лицеземный поклон от него. Вот – свечи душистого цветочного воска, вот – банка меда с горных полян, вот – серебряный крест-мощевик, что хранился у него, оставлен батюшкой архимандритом Андроником с Глинской пустыни до времени.

– Ну, спаси Господь, прямо-таки дары волхвов. Крест приму, давай его сюда.

Владыка бережно взял крест и прижал его к губам.

– Ну, свечи отдай в храм в алтарь, мед отнеси на братскую трапезу. Пока служба не началась, иди отдохни в часовню, что за алтарем храма, там вся наша братия из Глинской пустыни: о. Андроник, о. Серафим, о. Филарет. Отцу Андронику скажи, что принес святые мощи, которые он оставлял на сохранение у Харлампушки. Потом ступай, отслушай литургию, а после приходи ко мне на обед в келью.

– Благословите, Владыко! Благословившись, я пошел в часовню около собора.

Там на лавках вдоль стен сидел целый собор старцев-монахов.

Глинская пустынь в Тбилиси. Это были знаменитые и чтимые народом старцы Глинской пустыни: схиархимандрит Андроник (Лукаш), архимандрит Модест (Гамов) – последний настоятель пустыни, схиархимандрит Серафим (Романцов), иеромонах Филарет (Кудипов). У последнего я окормлялся, когда приезжал в собор Александра Невского. Иеромонах Филарет представил меня, и я подошел к каждому старцу под благословение. Старцы были несколько сумрачны, только один батюшка Андроник был весел, улыбался, прищурив глаза, теребя свою раздвоенную бороду.

Слева направо в первом ряду: архимандрит Модест (Гамов), митрополит Зиновий (Мажуга), схиархимандрит Андроник (Лукаш) и схиархимандрит Серафим (Амелин)

Да, еще я обратил внимание на сидящего у двери здоровенного русого парня, румяного, губастого, с большой свежеструганой дубиной в руках. О. Андроник говорил этому парню:

– Ну что ты разнюнился, чадо! Ну, большое ли дело – милиция продержала тебя две недели в клоповнике: меня больше держали, и то я не обижаюсь. В 1915 году: три с половиной года в плену у австрийцев – раз, в 1923 году большевики сослали меня на Колыму на пять лет, да, на пять годков, а за что?! Пришла ко мне раз прихожанка, плачет, что все церкви закрыты, колокола перестали звонить, и я ее утешил: «Бог даст и зазвонят». Кто-то услышал и донес. Это – два! В 1939 году опять был осужден и сослан в лагерь на Колыму. Страшное дело: полярный холод, голод и тяжкие работы. Смерть нас так и косила. И был я там почти 10 лет. Это – три!

– Батюшка Андроник, прости меня, прости, Христа ради! – парень повалился в ноги батюшке.

– Вставай, орясина, Бог простит! И чтобы более не унывать!

Иеромонах Филарет впоследствии говорил мне, что душа о. Андроника, очищенная многими скорбями, была преисполнена благодатных даров Святого Духа, и батюшка имел от Бога дар видения внутреннего состояния человека и знал, каким путем вести каждую душу ко спасению.

Затем у меня с ним состоялся разговор:

– Батюшка Андроник, меня тяготит и преследует страх за содеянный грех в том, что я, шесть лет работая в больнице патологоанатомом, вскрывал трупы умерших. Как мне искупить этот грех?

– Это не грех, – сказал батюшка, – ты это делал для пользы живых, поучая врачей и показывая их ошибки в диагнозе и лечении. А потом, трупы наши – это все равно что дрова. Все одно идут в землю в безчувствии и превращаются в персть земную до Страшного Суда, когда мы все получим новое тело. Как сказал апостол Павел: *«Сеется тело душевное, восстает тело духовное. Сеется в уничижении, восстает в славе»*.

Батюшка Андроник как-то ласково поглядел на меня, взял меня за руки и сказал:

– А ты ведь наш и со временем тоже станешь монахом.

Гулко зазвонили соборные колокола, мы встали, перекрестились и пошли в храм Божий.

Напоследок скажу, что, как и в Глинскую пустынь, не прерываясь шел народный поток к праведным старцам, так и после закрытия пустыни со всей страны шли и ехали к ним, в либеральную по тем годам Грузию, чтобы припасть кисточнику живой веры православной, к глинским старцам Христовым.

За обедом митрополит Зиновий посадил меня рядом. Я расспрашивал его о пустынниках кавказских, об их жизни. А он, в свою очередь, осведомился, есть ли пустынники в России? Я ему сказал, что у властей в России длинные руки, и они такие дела пресекают, но в глухих и отдаленных местах Сибири и Урала и еще горного Алтая пустынники есть, но больше из старообрядцев, и есть даже целые потаенные скиты. Владыка одобрительно покивал головой:

– Старообрядцы – это наши заблудшие братья, но и они славят Христа и Божию Матерь, и слава Богу, что в тайге есть искры христианской жизни, и они там не корысти ради сидят, а души спасают свои, да и завесь наш грешный мир молятся.

И еще я спросил Владыку: что это могло означать, что день полного снятия блокады Ленинграда 27 января совпадает с днем памяти св. равноапостольной Нины – просветительницы Грузии и другини Божией Матери.

Владыка задумался, осенил себя крестным знамением и сказал:

– Многие народы оплакивали и скорбели, молились и помогали, как могли, осажденному и гибнущему населению Ленинграда. И митрополит гор Ливанских Илия Салиб ушел в затвори, наложив на себя пост. 40 суток провел в молении в пещере, и ему было явление Божией Матери. Которая ему сказала, что пока власти России не снимут цепи и оковы с Церкви, до тех пор победы над врагом не будет. Потому что на страну нашла не просто военная сила Германии, а сила демоническая. В основе всего злодейского плана нападения на Россию были тайные языческие и оккультные доктрины сатанистов Востока – Гималаев и Тибета.

И когда, наконец, Сталин, как бывший студент Духовной Семинарии, понял это и освободил Православную Церковь, вот тогда и сатанинские полчища покатились обратно на Запад. Все жалели ленинградцев. Даже казахский акын мусульманин Джамбул прислал в осажденный город свои чудные стихи: «Ленинградцы – дети мои». В это же время и мне под утро в тонком сне привиделось, как святая Нина предстоит перед Престолом Божиим на коленях и молит Господа пожалеть и помочь страдающим людям осажденного города одолеть врага и супостата. И при этом из ее глаз по щекам катились крупные, величиной с виноградину, как бы хрустальные слезы. Я это растолковал, что Божия Матерь дала послушание св. Нине быть сторучницей этому осажденному городу.

Из древле на Руси было принято, что в день какого святого одержана победа над врагом, значит, этот святой и способствовал ей.

И посему жители Санкт-Петербурга, в знак Божией милости к ним и в знак признательности св. Нине за ее предстательство перед Господом, в каждом храме города на Неве должны иметь образ св. Нины с соответствующей надписью в память полного снятия блокады, чтобы потомки помнили и знали о наших скорбях и радостях. Ну а если их храм сооружут в память св. равноапостольной Нины и всех мучеников блокады, то благо будет и потомкам их.

По прошествии многих лет, когда я из Грузии вернулся в Санкт-Петербург и в один из дней пошел в часовню святой блаженной Ксении на молебен, а после зашел в Смоленский храм, увидел там икону св. равноапостольной Нины с державной надписью в память снятия блокады. Исполнилось то, о чем говорил митрополит Зиновий. Но, к сожалению, исполнилось пожелание святителя покатольководном храме Петербурга. В том благодатном храме, который строила по ночам своими руками св. блаженная Ксения Петербургская.

Валерий Лялин
«ПТИЦЫ НЕБЕСНЫЕ»

НАМ К МУЖЕСТВУ НАДО ГОТОВИТЬ СЕРДЦА

«И сегодня требовать подлинного свидетельства о Христе — значит призывать к мученичеству».
Из проповеди православного священника

Как зверь незаметно подкралась беда —
Опасна, внезапна, коварна, страшна.
И смерть нам опять заглянула в глаза,
И лучшего в высь от земли унесла.

Во все времена беззащитны от зла
И души, и тленные наши тела.
И мир их калечит, и ранит, и рушит.
Он ложным богам все безумнее служит.

Неважны орудья безвинных страданий:
Копье или меч из старинных преданий,
Иль пуля и выстрел смертельный в упор —
С апостольских дней мы для мира лишь сор.

Он выбил бы почву у нас из-под ног,
Он выгнал бы нищими всех за порог.
И тени гонений маячат опять,
И ждет свежей крови враждебная рать.

А Церковь — всегда в окруженьи угроз.
Ей чаша завещана скорби и слез.
Распятье и крест нам оставил Христос,
Терновый венец — вместо славы и роз.

Но творческой тайной Его вдохновенья
И нас, вслед за Ним, сварит воскресенье.
Открыты Христом для людей Небеса
Победой над смертью и силами зла.

Раскрыться предсказанию злу до конца —
Нам к мужеству надо готовить сердца.

Маргарита Сурикова, г. Задонск

ОТКРЫТАЯ ИСПОВЕДЬ

Один разбойник, случайно услыхав Евангельскую повесть о разбойнике, покаявшемся на кресте перед Спасителем, пришел в себя, раскаялся и решил остальную жизнь посвятить на служение Богу.

Раскаявшийся пришел в Александрию в монастырь к игумену Иоанну и стал просить, чтобы он принял его в число братии. Игумен сказал:

– Обдумай лучше твои намерения, посмотри монастырскую жизнь, потом я позову тебя.

Прошло семь дней. Иоанн призвал к себе разбойника и спросил:

– Подлинно ли ты хочешь быть монахом?

– Да, отче, я обдумал свое намерение, – отвечал бывший разбойник, – и умоляю принять меня под священный кров обители.

– Но кто ты такой и какова твоя жизнь?

– Я разбойник, достойный осуждения и муки вечной, – воскликнул пришедший, – но ищу спасения.

И он рассказал о своей жизни преподобному Иоанну все, что мог припомнить, и при этом со слезами исповедал все свои грехи. Выслушав кающегося, игумен сказал:

– Хочу, чтобы ты рассказал свои грехи пред всею братией.

Бывший разбойник со слезами сказал:

– Не только пред всею братией, но, если хочешь, пред всей Александрией исповедую.

После этого игумен собрал всех монахов в церковь и велел во время служения Божественной литургии, по окончании чтения Евангелия, привести бывшего разбойника, как осужденного, одетым в рубище, связанным и с покрытою головою. Когда таким образом привели кающегося к церковным дверям, Иоанн громким голосом воскликнул:

– Стой здесь! Ты недостоин, чтобы войти в церковь.

Пришедший пал в трепете на землю и обливал церковный помост слезами. Игумен продолжал:

– Исповедуй грехи свои пред всеми!

И кающийся вслух всем начал открывать свои грехи, из которых многие были столь тяжки, что присутствующие содрогались, слушая их. После этой исповеди игумен повелел постричь его и включить в число братии.

Когда Иоанна спросили потом, зачем он дал такую исповедь пришедшему, игумен отвечал:

– По двум причинам: во-первых, для того, чтобы бывший разбойник стыдом, который он чувствовал при открытой исповеди, избегал страшного стыда на Суде Божием, что и достигнуто, ибо один из лучших иноков видел, что в то время, когда разбойник исповедовал свои грехи, Ангел Божий, державший хартию, изглаживал их; а во-вторых, для того, чтобы тех, которые скрывают на исповеди свои грехи, побудить тем к откровенной исповеди, и чтобы они знали, что без этого не получат оставления грехов.

Священник Петр Поляков
«ПРОЛОГ»